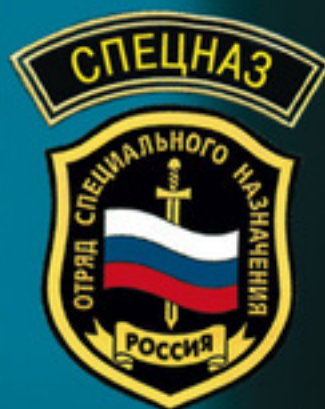

— Никто, кроме нас! Российский спецназ! —

СЕРГЕЙ

Зверев

БАСТИОН
Ответный удар

Бастион

Сергей Зверев
Ответный удар

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Ответный удар / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Бастион)

«Бастион» – тайная полувоенная организация, противостоящая коррумпированным силам в России. С «Бастионом» не на жизнь, а на смерть бьется Орден – мощная преступная группировка, захватившая власть в стране. Она не допускает никакого инакомыслия, а с бунтарями расправляется быстро и жестко – громит, сажает, убивает... Ее цель – абсолютная власть над миром. Павел Туманов, оставив службу в милиции, стал одним из аналитиков «Бастиона» – а значит, врагом Ордена, начавшего жестокую и беспощадную войну против всех честных людей. Боевики Ордена уничтожают друга Туманова – честного опера, и теперь открыли охоту на самого Туманова. Его жизнь висит на волоске. «Бастион» помогает аналитику укрыться в глухой тайге, в поселке бывших зэков. Но поселение вдруг начинают штурмовать отряды «орденского» спецназа...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Красилина Д. А.	6
Туманов П. И.	16
Кравцов О.И.	26
Губский Л.В.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Зверев

Бастион: Ответный удар

*Меня цели и названия,
меня формы, стили, виды,
покуда теплится сознание,
рабы возводят пирамиды.*

И. Губерман

Самая жара – перед грозой.

Взмокшие, распаренные, осоловелые люди еще матерятся – кто про себя, кто вслух в адрес невиданного пекла; женщины переживают за косметику, мужчины неловко вертятся, пытаясь отлепить от взопревшей кожи пропитанные потом трусы и рубашки; асфальт плавится, всеобщая мечта о дожде взмывает к небесам, конденсируясь и разбухая, пока не материализуется в виде фиолетовой, почти черной тучи. Хлынет – и промокшие люди забудут, о чем просили непонятно кого пять минут назад, спрячутся под козырьки и зонтики, в машины и магазины и по извечной привычке людской будут проклинать именно то, что совсем недавно вымаливали. Поздно – брюки заляпаны, туфли отсырели, косметика потекла...

Свежеизбранный президент и его команда пока играли с прессой в «Спокойной ночи, малыши!»; на заученный вопрос: «А не собирается ли новая администрация?..» – звучал стереотипный ответ: «Будет продолжен курс реформ, но...» После «но» следовали туманные фразы, которые могли означать что угодно или вообще ничего не означать. Истеричные обозреватели привычно пели про грядущий переворот, репрессии и «новый тридцать седьмой». Никто им не верил. Уже пятнадцать лет они исполняли эту арию ежеквартально, дабы стенаниями заглушить шелест купюр в соседнем углу, где опять что-то под шумок продавалось по цене «намного ниже рыночной». Разве что бабульки, перепуганные на всю жизнь, опять ринулись сметать с прилавков соль, муку и мыло – залежи от предыдущей истерики изрядно подсократились. Еще гремели презентации, фестивали и концерты, только неформальные лидеры мероприятий, бубня состряпанные референтами речи, вдруг как-то рассеянно сбивались, вспоминая, а продлена ли виза и не пора ли «углублять деловые контакты в дальнем зарубежье», а их начальники, секьюрити и руководители аналитических отделов – все как на подбор в действующем резерве ФСБ, СВР, ГРУ – судорожно сводили баланс: кто знает, что будет грехом, а что удастся выдать за благое дело в глазах грядущего режима и кем примут в родных пенатах – следователем или подследственным? Склады, магазины, ларьки еще ломились от товаров на любой вкус и цвет, только что-то заскрипел вдруг тормозами оптовый рынок, и раскалились мобильники – всем срочно потребовались наличные, и хорошо подстриженные тети с экранов опять завели о «кризисе неплатежей». Конечно, все понимали, что это такое – когда никто не отдает долгов. Только девять из десяти жителей Страны Чудес отчего-то считали, что их сие не касается...

Красилина Д. А.

Неблагодарное занятие – вспоминать. Приятные события вымываются из памяти, уходя в область смутной «фата-морганы», неприятные, напротив – становятся циклопическими. «Павел Игоревич? – стук в дверь. – Вам в десять надлежит быть там-то и там-то, а уже, извиняемся, девять, так что примите к сведению...» – «Не отдам!» – рявкнула я. «Прощай, душа моя, не буйнь», – он обнял меня, неуклюже, как пьяница полуночный фонарь, сдул с глаза мужскую слезу и двинул из ведомственной гостиницы на углу улиц Омской и Семнадцатого года. А я осталась одна со своей меланхолией. К зеркалу – страшно, домой – не загонишь, на улицу – хуже пытки. Лишь с охраной и по-быстрому. Один из людей Аркадия Ивановича – моего нового куратора, весьма представительного седого мужчины – предложил взять шефство над Антошкой, который рано или поздно вернется из Асино – я согласилась (это так любезно с их стороны). Другие провели политликбез и доставили к рабочему столу, объяснив специфику. Я приняла судьбу безропотно. Конторка, где отныне предстояло работать, обладала стандартным фасадом – типовой бетонный кубик, неотличимый от семейства бывших проектных институтов, расположенных рядом. Над крыльцом висела табличка с избитым названием «Новое время», в вестибюле зевали двое тихонь в штатском. По официальной версии, конторка имела касательство не то к социологическим исследованиям, не то к изучению общественного мнения (если это, конечно, не одно и то же), не то к обработке каких-то статистических данных. На рубеже веков такие конторки плодились, как мышата. А поскольку заниматься им было, в сущности, нечем (как известно, рейтинг политика прямо пропорционален размеру внесенной политиком суммы), то и приютить под своей крышей они могли любую организацию, которая создаст им видимость кипучей работы, а заодно прикроет свою. Например, деятельность редакции газеты «Бизнесмен Сибири», которая действительно в природе существовала и раз в неделю выходила в свет, радуя сибиряков котировкой шпал и горбыля на местной фондовой бирже, а также сводками пресс-центра областной администрации. Но состояла при этом как бы из двух половинок, причем вторая к обнародованию информации никоим боком не относилась. А скорее занималась ее поиском и анализом – с последующим засекречиванием. Работали одни мужики. «Наконец-то в нашем доме завелись красивые дамы», – отстраненно усмехнулся сосед из смежной комнаты – бледный парень с неподвижным лицом. «Красота моя в аптеке стоит рубль баночка», – пробормотала я и принялась уничтожать пыль, которая лохматилась практически по всем углам. На сем неформальное общение с коллегами и закончилось. В фирме «Новое время» не принято было заводить знакомства. Тем более их углублять. Диалоги допускались лишь по существу. Люди работали как проклятые. Их подгоняло даже не чувство неполноценности перед начальством (хотя и было), а скорее чувство какого-то не вполне мною уловимого долга, позволяющее им сидеть за монитором сутками. Чуть меньше месяца я тоже занималась «мышинной возней», сортируя и тусуя из колоды в колоду всевозможные партийки и общественные организации, выросшие на обильных хлебах российской демократии. А потом, в один прекрасный день, после того как, вняв уговорам, решила вернуться в родное обиталище и уже провела в нем несколько ночей (лежа! На мягкой кровати! И никаких демонов!), по душу мою явился Аркадий Иванович.

– Дорогая Дина Александровна, – произнес он мягко (но мороз по коже продрал), выкладывая на системный блок конверт с моей первой зарплатой, – скажите, вы не устали от сидячей работы?

– Нет, – испугалась я.

– Пересчитайте, пожалуйста, деньги.

Я выполнила его просьбу. Послунявила палец и неловко прошелестела наличностью. Не поверив итоговой сумме, прошелестела обратно.

– Богатство – скорый путь во зло... – проямлила я.

Работодатель промолчал. Надо признаться, он мои выходки иногда терпел.

– Куда ехать, Аркадий Иванович? – Я облизнула губы. Это было что – рядовое материальное вознаграждение или попытка дешевого (хотя и не совсем) подкупа?

– Уважаемая коллега, – начал куратор менторским тоном, – мы склоняемся пред вашими доблестями, кои лично лицезрели. Пред вашим мужеством, сообразительностью, умением переносить трудности и терпением, с которым вы добиваетесь намеченной цели...

– Последнее не про меня, – скромно потупилась я. – Живет в миру такой парень, если помните... Туманов его фамилия. В моей смелости просьба винить его.

– А также пред вашими писательскими (шелкоперскими. – Д.А.) способностями и наблюдательностью. Вы действительно наблюдательный человек, Дина Александровна. Отчет о ваших мытарствах на базе под Карадымом – штука по достоверности и умению подмечать детали просто неподражаемая. Из вас бы вышла идеальная шпионка – обладательница Гонкуровской премии...

– Как дела с базой? – пресекла я его комплиментарный заезд. Приятно, конечно, когда тебя ценят, но пора и о деле.

– О том и речь, Дина Александровна, – Аркадий Иванович обрел серьезную мину и серьезный тон. – Ведутся исследования препарата, применяемого в качестве вещества, подавляющего человеческую волю. Довольно сложный процесс. Охрана зомбирована – поведение неадекватное. У них одно на уме: служить и защищать. Вольный персонал зомбирован частично – он уверенно делает вид, будто не понимает, о чем речь. А подневольные химики работали только с компонентами, изготавливая промежуточные реактивы, и никогда не посвящались в итоговую формулу. Из их разобщенных показаний и должна нарисоваться картинка. Хотя бы примерная. Препарат засекречен. Судя по эффекту, это что-то новенькое в области воздействия химии на психику. Я имею в виду фактор подчинения воли. Посудите сами: разные методики приема – и разный эффект. От чудовищного сумасшествия до настройки на конкретную задачу.

– И не только на психику, – пробормотала я. Веселые картинки из блока номер десять – с макроцефалами, карликами, гноящимися конечностями – по сей день не давали мне покоя.

– Конечно, – поддержал Аркадий Иванович. – Но воздействие на психику, пожалуй, пострашнее. Не сиюминутное, не спонтанное, а с дальним прицелом, направленное строго на определенную задачу. Понимаете мою мысль?

– Боюсь, не до конца, Аркадий Иванович, – изображая из себя святую дурочку, я покрывала затылок.

«Гуру» усмехнулся.

– Что такое одна уничтоженная база психологической обработки в масштабах огромной страны? Она не последняя, уверяю вас. Их было как минимум три. На Алтае, под Благовещенском и на бывшей ракетной базе в Амдерме, Югорский полуостров. Увы, последние две нам не по зубам – они пропали. Мы нанесли удар, но не создали предпосылок для уничтожения заразы целиком. Шоу продолжается, Дина Александровна. Возможно, отныне оно примет более изощренные и менее усваиваемые формы, как знать. А стало быть, надлежит быть начеку.

После этих вкрадчивых слов я всерьез озадачилась. Что он имел в виду? Представление о положении дел в стране я имела лишь самое общее (а простой женщине, если она не с приветом, куда больше?). Подобное положение существовало и два, и три года назад. Грызня в верхах, полная амальгама политических настроений. Стычки на юге, забастовки на севере. Не за горами выборы, в связи с чем уже зреет истеричный психоз и начинается взаимное поливание грязью. Надоело смертельно. А из эксклюзивной, «не для всех», информации я знала следующее: при побеге с шизофренической базы меня и Туманова перехватила неформальная организация, самопровозглашенная «Бастионом». Та самая, которую я отныне имею честь

представлять. Не слишком влиятельная, но достаточно разветвленная, чтобы везде сунуть свой нос. Костяк организации составляли военные. Элита армейской разведки, командный состав ВВ, спецназа, военные аналитики, деятели от ГРУ, военно-морских структур, погранформирований. Контора в принципе не злобная. И против тайных сил, разводящих по стране шизофренические базы, настроенная решительно. «Здесь нет дубов, – вкрадчиво говаривал Аркадий Иванович. – Нет хороших и нет плохих. Мы не ангелы с крылышками, но и не изуверы. Мы – за нормальное развитие общества. Только в нормальном обществе, где нет диктатуры и нет разнузданной, разрушительной демократии, где есть перманентная (хотя и не обременительная) внешняя угроза, но нет жестокой, изматывающей войны, способна существовать здоровая армия. Только закон. Только порядок. (Но не немецкий. При немецких порядках Россия задохнется.) Только та система, при которой возможно существование сытых, грамотных, морально устойчивых и технически оснащенных вооруженных сил, а следовательно, уготовано достойное существование творцам вышеназванной идеи, то бишь тем же командирам СОБРа, спецназа, деятелям от ГРУ...» (Последнюю мысль Аркадий Иванович не озвучивал, я ее сама додумала.)

– Куда вы меня посылаете? – зажмурившись, спросила я.

– Потусоваться, – лаконично ответил ментор. – Вы же эффектная женщина. Весь спектр политклубов – к вашим ногам. Возможны командировки в Москву, Петербург. Но учтите, мне нужен не журналистский отчет, а впечатления. Запомните, – Аркадий Иванович воздел в небо указующий перст, – именно ваши впе-ча-тле-ни-я. И никакой недосказанности. Недосказанность чревата, Дина Александровна. И для вас, и для страны... Кстати, почему вы хихикаете?

– Простите, – я нервно икнула, – колготки новые щекочут...

Мы проиграли. Продули оглушительно и с треском. Признаюсь в этом открыто – лично мне стыдиться нечего, я свою работу выполнила добросовестно. Вооруженная удостоверением «Бизнесмена Сибири» и, по ироничному замечанию Аркадия Ивановича, «наблюдательностью, звериной интуицией и сногшибательной внешностью» (такая точно сшибает надолго), я прошла, помолясь, по всем фасадам и закулисам предвыборных политических батальон. Энгельс, Барнаул, Екатеринбург, Москва, опять Энгельс... Я болталась по партконференциям и учредительным съездам, по банкетам и презентациям, по митингам и благотворительным обедам. Сытые физиономии (ни одной голодной!) партийных боссов и кандидатов на какие-то sinecure, знаковых персон, их «шестерок», прихлебателей, низкопоклонников слились в бесконечную череду скалящихся ртов и пустой говорильни. Цветы, овалы, плевки, помидоры, потные руки, пытающиеся меня обжать в кулуарах «партии власти»; ревущие толпы, бьющиеся в митинговой истерике бабушки. Чуть правее наклон, чуть левее... Либералы, фашисты, непримиримые красные с лозунгами «доисторического материализма», примиримые «розовые», середнячки... Журналисты, тэвэшники, пробки в потолок, вонючие номера городских отелей, куда я добредала и падала без задних ног не в силах переварить впечатления. А наутро остервенело глотала таблетки, не разглядывая надписи на стандартах. («Пей, деточка, пей, – говаривала в детстве мамуля. – Лекарство свою болезнь найдет».)

Я полагала, что попаду в рассадник вранья и пустых обещаний – и попала. Ожидала увидеть плохо замаскированных воров – и увидела. Даже больше, чем ожидала. Но увидела и еще кое-что! Теперь я понимаю, куда клонил Аркадий Иванович...

Некоторые люди, с которыми я встречалась на их политических игрищах, на первый взгляд ничем не отличались от других. Но в глазах у них стояла Великая идея...

Я уже замечала подобные взгляды. При обстоятельствах, прямо скажем, ужасных. Поначалу не могла сообразить, но, покопавшись в памяти, прозрела. Это было совсем недавно! Рыжая валькирия, с усмешкой вздымающая стек... Розовые стены, мягкий полумрак, люди, ползающие среди игрушек... Бедолага с топором, возникающий из черноты и летящий на скрю-

ченное тело с намерением убить... Оболваненный бухгалтер, возомнивший себя гигантом... Накачаные гадостью люди, бредущие под конвоем на свои лежаки... Установка убить, и дрожь тайги под ногами сотни людей с измененным сознанием... Летящие с обрыва зомби, плюющие на смерть, одержимые погоней... Жуть рогатая. Чудовищность.

Где? Да в Вологде, где...

Трудно выразить словами подобные взгляды. Это не выражение лица – это проблески. Вспышки. Вот они есть, вот их нет – перед тобой всецело нормальный человек. С большой натяжкой это можно назвать наплывом тумана – густого, насыщенного всей палитрой низменных страстишек: тут и убежденность в своем предназначении, и ненависть, и презрение, и... страх (и депутатский значок не спасает). Вот именно – страх: ты такой большой, а еще вчера был рядовой пешкой, и толпа плевалась тебе вдогонку, а вот же надо, вознесло тебя, и теперь в тебя не плюнут, потому что ты хороший...

Противно.

Ну что ж, от противного я и пошла. Сломала себя с хрустом. Напросилась на интервью к одному такому экземпляричку. Его звали Никита Вольдемарович Ситников, и служил Никита Вольдемарович в областной администрации – слыл влиятельной персоной в окружении губернатора орденоносной нашей области. Говоря по-другому, занимал вице-губернаторское кресло. Что и не глупо, с одной стороны: область под ногтем, а ответственность на боссе... Я сидела, уперев глаза в выстланный финским паркетом пол, а когда из вежливости их поднимала, то покрывалась коркой льда: передо мной, будто айсберг из тумана, выростала база... Казарма, люди-звери, рыжая стерва, с ухмылочкой подносящая шприц... Он сидел напротив, с блокнотиком – весь из себя такой демократичный, в «коллинзах», в свингере, стриженный «под горшок» – и говорил тихим голосом наирзумные вещи. Главным образом о том, что он сделает с областью после избрания его губернатором. (А Никита Вольдемарович имел на это полное право, поскольку обладал приличным в регионе рейтингом.) О социальных выплатах, о поддержке малого бизнеса, о реконструкции всего и вся и даже о том, где он возьмет на это деньги. Было так складно, что хотелось сразу верить. Бросить к черту все дела, сомнения... и верить. И я верила. Туман, застилающий его глаза, не мог поколебать мою веру (боюсь, его замечала только я), а выражение лица, явно не адекватное произносимым словам, говорило само за себя: мол, не кривила б ты душой, дамочка, казачок-то из тебя засланный...

Но что характерно, ему на это было совершенно плевать.

– Замечательно, – сказала я. – Большое спасибо за интервью, Никита Вольдемарович. Безумно интересно вас слушать. Приятно осознавать, что остались в нашей стране разумные, болеющие за вверенное дело люди.

– Неизменно ваш, – сердечно попрощался этот пышущий неизлечимым здоровьем политик.

– Последний вопрос, если позволите.

– Что-нибудь из раннего? – улыбнулся Никита Вольдемарович.

– Скорее из позднего, – подхватила я шутку. – Интересно бы узнать, Никита Вольдемарович, как при столь напряженном графике работы вам удастся отдохнуть? Или не удастся вовсе?

– Ну отчего же, милая дама, скрывать не буду, – оживился господин. – Отдыхаем-с. Удастся, знаете ли, выкроить недельку-другую. В мае вырвался к друзьям во Франкфурт. Не приходилось, кстати, бывать? Усиленно рекомендую. Великолепный образчик идеального административного устройства...

– А на Алтай не выезжали? – набравшись смелости, спросила я. – Могу, в свою очередь, усиленно рекомендовать.

Великодушная, располагающая улыбка сползла с лица Никиты Вольдемаровича, как ленивый домашний кот сползает с дивана. Он стал смотреть на меня строго и где-то даже неприязненно.

– Сколько вам лет, дорогая и таинственная дама?

– Тридцать, – без лукавства сказала я. Потом усовестилась и добавила. – В условных единицах. Ну что ж, уважаемый Никита Вольдемарович, еще раз спасибо за интервью. Очень приятно было познакомиться.

Я встала и пошла. Поучительная беседа со вторым человеком в областном руководстве происходила в полужилых, полуофисных апартаментах, где было много помещений и ни одного живого сотрудника. Самое обеденное время.

– Я провожу вас, – спохватился Никита Вольдемарович.

Но в этот самый момент зазвонил телефон у него на столе.

– Слушаю, – схватил трубку вице-губернатор. И мгновенно разразился нравоучительной тирадой в адрес некоего Василия Федоровича, ответственного за строительство жилого городка для рабочих мыловаренного комбината райцентра Доволино и имевшего неосторожность затянуть пуск первой очереди этого самого жилья. А я в одиночестве добрела до прихожей. Распахнула дверь, задумалась. Правильно ли говорят, что авантюрный склад ума не всегда противоречит врожденной пугливости? Полуэтажом ниже ко мне боком стоял милиционер с постным лицом и сладко зевал. Из двери напротив вышла дамочка в костюмчике. В одной руке – деловая папочка, в другой – бутерброд с деловой колбасой. Покосилась на меня и отправилась вниз по лестнице – обедать дальше. А я еще немного помялась, после чего вернулась в прихожую. Осторожно прикрыла дверь. Никита Вольдемарович продолжал разносить в пух и прах Василия Федоровича. Что-то перемкнуло у меня в голове. Очевидно, последнюю извилину. Я вошла в узкую нишу, замещающую гардеробную, и влезла в ворох верхней одежды. Какие-то куртки, дубленки, длинная мужская шуба из неведомой, но очень мягкой зверюшки... Размышлять на тему, зачем хозяину апартаментов так много зимней одежды, времени уже не было. Никита Вольдемарович вошел в прихожую. Медленно двигался, вкрадчиво шаркая ботинками. Я стояла ни жива ни мертва, потрясенная своим поведением. Чего это со мной? А Никита Вольдемарович сбавил ход напротив ниши, как бы повинувшись голосу интуиции. Почему так яростно пахнет у него в прихожей человеческим духом? Постоял, подумал, но добрался-таки до дверей. Высунулся наружу.

– Михеев, женщина проходила? – осведомился он у дежурного милиционера.

– Так точно, Никита Вольдемарович, – по уставу отрапортовал охранник. – Полминуты назад спустилась.

Кристалльная, как слеза, истина. Если учесть, что спускалась не я, а строгая дамочка с колбасой и папочкой.

– Хорошо, Михеев, – пробормотал Никита Вольдемарович. Дверь закрылась. Я опять почувствовала его присутствие напротив ниши. Стояла вся такая холодеющая, под шубой, и тряслась от ужаса. А ему не давал покоя недремлющий глас интуиции. Я ощущала его сдерживаемое дыхание. Потянулись флюиды. Качнулась соседняя дубленка, и между ней и шубой просунулось что-то ужасное, готовое меня схватить и не выпускать...

На счастье некоторых дурочек, в кармане у Никиты Вольдемаровича протяжно заработал мобильник. Извилистые пальцы не добрались до моей остывающей груди, притормозили и потянулись обратно.

– Я слушаю, – недовольно сказал Ситников. И сей же миг на полувыдохе сменил тональность на вкрадчиво-подобострастную. – Конечно, рад вас слышать... Да-да, я целиком выполняю ваши предписания... Обязательно... Конечно... До последнего граммчика, вы же знаете... Процедура? Простите, ради бога, но процедура назначена на конец недели... Да-да, понимаю, но пока принять не успел, у меня была журналистка... Всенепременнейше, уважаемый, прямо сейчас и приму...

Завершив сию странную беседу, Никита Вольдемарович погрузился в безмолвие. О своих намерениях насчет гардероба он забыл. Я услышала тяжелый вздох. Вице-губернатор развер-

нулся и какой-то тяжелой, шаркающей походкой начал удаляться. Через несколько минут я восстановила сердцебиение и позволила своему носу выбраться в полутьму прихожей. В апартаментах стояла зловещая тишина. «А не такой уж вы крутой парень, Никита Вольдемарович, – со злорадством подумала я. – Сявка вы позорная».

Удаляться в этой интересной ситуации не совсем хотелось. Пик ужаса я, слава богу, пережила. Я на цыпочках отправилась в обход апартаментов и в самой последней комнате, обставленной под английскую гостиную, обнаружила Никиту Вольдемаровича. Будущий хозяин области принимал лекарство. Вид сзади: отличная спортивная фигура, изящная небрежность в одежде. Плечи, правда, слегка повядшие. Он что-то бросил в рот, подошел к кулеру, плеснул воды в бокал и жадно выпил. Какое-то время он стоял неподвижно, созерцая нерастопленный камин. Потом медленно поставил бокал на зеркальную полку серванта, сделал два шага в сторону и опустился в кресло. Заскрипела дорогая кожа. Профиль во всей красе – напряженный, какой-то надломленный. Рука потянулась к карману, извлекла мобильник.

– Григорьич? – спросил Никита Вольдемарович вполне нормальным, но несколько подуставшим голосом. – Полчаса никого не впускать. Ни под каким предлогом. Отдохнуть хочу.

После этого с г-ном Ситниковым начали происходить метаморфозы. Несколько минут он сидел с закрытыми глазами, излучая скромное вице-губернаторское обаяние. Затем глаза его открылись. Обаяние слетело. Скулы четко обострились, глаза выкатились из орбит. Одновременно их начала затягивать серая водянистая пелена. На виске у Никиты Вольдемаровича затрепетала жилка. Он медленно обвел глазами помещение. Я отпрянула от проема, убирая подальше любознательный нос. Подрагивая от возбуждения, нарочито медленно досчитала до пятнадцати и вернула нос на позицию. Наблюдаемый объект перестал совершать странные колебания. Он сидел, откинув голову на подголовник кресла. Неподвижный, как скульптура. Остановившиеся глаза бессмысленно взирали в окно. По лбу сочился пот. Казалось, он ни на что не реагирует. Я могла войти в комнату, пошариться по барам, сервантам, пару раз споткнуться о вытянутые ноги Никиты Вольдемаровича и незамеченной удалиться. Но на такие подвиги моя натура уже не сподобилась бы. Я сидела на корточках, затаив дыхание, потеряв счет времени, и зачарованно смотрела на человека под воздействием препарата. Такое ощущение, что сама выпила не мне предназначенную пилюлю.

По прошествии долгого времени Никита Вольдемарович шевельнулся. Шевельнулась и я, обнаружив кошмарно затекшие ноги. Чиновник обрел осмысленный вид – глаза с орбит вернулись в черепные углубления, пропала водянистость. Он нахмурился, пытаясь что-то вспомнить. Неуверенно поднялся (я уже готовилась нырнуть за поросший домашним виноградом стеллаж), подошел к бару. Пока он справлялся с бутылкой коньяка, срывая негнущиеся пальцы, я планировала пути отхода. Горлышко позвякивало о хрустальный бокал. Жидкость лилась рывками. Запрокинув голову, Никита Вольдемарович втянул в себя целебный напиток и заметно повеселел. Он уже не хмурился, собираясь что-то вспомнить. Когда он выходил из гостиной, деловито поскребывая макушку, я сидела за стеллажом, готовая при нужде засандачить ему в лоб горшком, а будет мало – опрокинуть стеллаж. Но период прямых боестолкновений еще не наступил. Перспективный политик дотопал до уборной, щелкнул выключателем и зачем-то там заперся. Шлепнулась крышка унитаза.

По всем инструкциям, самое время заметать следы. Я доковыляла на затекших ногах до прихожей, отомкнула замок и, уходя, обратилась к пустому чреву коридора (исключительно для ушей вылупившегося на меня милиционера):

– До свидания, Никита Вольдемарович. Это было великолепное интервью...

А проходя мимо нахмуренного и сбитого с толку стража, помахивая номерком от раздевалки, я не отказала себе в небольшом озорстве: недвусмысленным жестом поправила бретельку якобы сбившегося бюстгальтера. Он застыл, охваченный справедливым негодованием.

Но я же не виновата, что у нас мужики дружно в ряд такие самцы? Интервью спокойно взять не дадут...

Я вывалила на Аркадия Ивановича полученные впечатления и удалилась на заслуженный недельный отдых – отлежаться. Кто бы мог подумать, что «Бастион» станет копать? По месяцам была отслежена жизнь Ситникова в последние два года, и результат превзошел самые смелые ожидания. Да, действительно, прошлой весной фигурант ездил лечиться на Алтай. Большие Чили, санаторий «Янтарный». Да, брал путевку на восемь дней. Да, без семьи (почти по Мало). Домик на отшибе, горы, природа-матушка... «Бастион» копнул еще глубже. Подняли документацию, опросили персонал. Да, в самом деле, был такой горе-курортник. Со своим козырным интересом. Две ночи шастал по предгорьям, днем отсыпался, на третью за ним прилетел вертолет и унес в бескрайние просторы. Иначе говоря, прибыли друзья и увезли на охоту. За кабаргой. Через четыре дня вернули. Ну в точности таким, каким забирали: улыбающимся и слегка загадочным. Правда, ни ружья, ни кабарги... Последние двое суток Никита Вольдемарович опять бродил по горам, кушал водочку, ненавязчиво флиртовал с крашеной блондинкой, обитающей в соседнем домике, а когда вышел срок, собрал манатки и подался до дому. Надо думать, подлечившимся.

Его подстрелили солнечным утром, за десять дней до выборов – когда в приподнятом настроении фигурант выходил из подъезда собственного дома. Снайпер свалил Ситникова прямым попаданием в висок. Разумеется, стрелявшего не нашли. Никиту Вольдемаровича зачем-то повезли в больницу, но там растерянными охранникам популярно объяснили – от смерти не лечим, давайте, ребята, в морг.

Попутно прогремели еще несколько выстрелов. Одного деятеля сбили с трибуны, куда он влез по какому-то торжественному случаю. Другого – со стремянки, разворотив при этом полстены (цель достойно оправдала калибр). Третий спикировал с балкона, разгрохав собственную «Ауди». Четвертый уснул на собрании и не проснулся. Эффектно, но не эффективно. Поздно. Отстрелять всех выпускников базы у «Бастиона» не было ни сил, ни времени. Да и народ повел себя как-то некрасиво – возмутился и стал митинговать. Он у нас на Руси всегда выступает на стороне обиженных.

Словом, праздник подошел к концу. Дворники сняли флаги.

Но жизнь текла своим чередом. Я окончательно перебралась в свою старую квартирку «компактного проживания» на Путевой. Ни убийц в масках, ни адских машин там под дверью не оказалось. Антошка домучивал первую четверть четвертого класса, Ветров куда-то сгинул (куратор намекал на важный перевод в район Кубани, вместе с семейством). Я по этому поводу почти не горевала. Любовь там больше не жила, всем известно. К ноябрьским праздникам вставила вторую дверь, обзавелась газовым пугачом с устрашающим барабаном. Днем пропадала на работе, вечерами общалась с ребенком. По ночам царапала рассказы, плакала. Не жизнь, а какой-то День сурка. Командировки в «горячие точки» стали сходить на нет и под Рождество совсем прекратились. Изредка в моем доме объявлялся брызжущий радостью Туманов, привозил новые шрамы. В такие дни я не плакала. Я обретала товарный вид и становилась моложе, я цвела и лучилась счастьем. Кому вредит немного счастья? Мы запирались в спальне, часами напролет занимались любовью (Туманов называл это дело тактическими учениями), а Антошка, ворча, отирался под дверью и бухтел, что когда-нибудь он тоже вырастет и покажет всем кузькину мать.

О себе Туманов практически не распространялся. Лишь однажды по секрету поведал, что теперь его не берут пули, поэтому я совершенно напрасно беспокоюсь. На вопрос о делах раздраженно отмахивался – дескать, по-старому, хромаем, кашляем. О месте нынешней дислокации отзывался туманно: недалеко от Сочи (а кто бы с ним спорил? – любая точка на Кавказе недалеко от Сочи, даже Чечня). Он уезжал на месяц-другой, опять появлялся, сияя улыб-

кой, проводил со мной неделю, клялся в вечной любви и отбывал в свои «Сочи». А я гадала, обливаясь слезами, увижу ли его еще когда-нибудь...

В политической жизни страны меж тем происходили перемены. «Старая гвардия», не выполнившая ни одного из своих обещаний, катастрофически теряла очки, отходила в тень. На поверхность выплывали новые силы. Они не были ни левыми, ни правыми, не призывали делать жизнь с Запада, но и не кричали о «происках жидов». Они предлагали нормальную патриотическую программу: сильная армия, сильная промышленность, единый для всех закон; не настаивали на православии как единственно верной религии; не собирались вести борьбу с преступным элементом путем поголовного уничтожения последнего. Среди них не было бесноватых (по образу классического либерал-демократа), не было упертых (вроде небезызвестных «трудовиков»), это были нормальные, спокойные люди. Порой даже чересчур. Принадлежали к разным, нередко безнадежно периферийным партиям, они не испытывали нужды в деньгах, играючи делали карьеру, хотя ни президент, ни премьер с кабинетом за их спинами не просматривались. Они воровали, как и все в этой стране, но не попадались (разоблачительные публикации в прессе либо пресекались на корню, либо убедительно опровергались). Они не имели отношения к одиозным олигархам, не запятнали себя компроматом. И хотя большинство из них было малоизвестно широкой политизированной публике, производили они впечатление серьезных людей, способных постоять за Отечество.

На очередных выборах они пришли к власти. Загадочная у нас страна.

Фиаско полное. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет», – подметил мультяшный Врунгель. Отныне «яхта» называлась Национал-патриотический фронт – всерьез и надолго победившая партия непонятно какого класса...

Но сначала было слово. Формально независимый президент – парень бойкий на язык и с державно-суверенным прищуром – на проверку оказался своим в доску. Именно он зачитывал приветственное слово делегатам II съезда НПФ (первый прошел еще до выборов – никем не замеченный), клятвенно обязуясь продолжать дело реформ, обеспечить жизненный уровень, навести порядок и при всем при том придерживаться каких-то традиций. Он же открыл через месяц третий, чрезвычайный съезд, выступив с еще более жесткими, а главное, конкретными декларациями. Основной упор делался на проблему Северного Кавказа. Через неделю Дума провалила очередное утверждение правительства и была успешно распущена. Дату новых выборов президент объявить «забыл». А впоследствии – и «не вспомнил».

Замолчали газеты (сообразили). На юг и запад нескончаемой вереницей потянулись воинские эшелоны. Спецназы, СОБРы, гэ-нэ-эры Минобороны, МВД, ФСБ и т. д. и т. п. свелись под единое командование и получили название Частей Особого Назначения. И ударной мерой в свете новой борьбы с преступностью стало появление на улицах патрулей...

Самый лицемерный на тот момент указ – «Об участии населения в деле охраны порядка» – заработал молниеносно. Отребе «патриотических» обществ, «молодые рабочие», драчуны из секций единоборств – с нарукавными повязками – запрудили улицы. Но они не охраняли покой граждан. Они издевались, насиловали, без причин избивали. Их ликвидируют силами более дисциплинированных бригад охраны порядка лишь через полгода. Многих уничтожат на месте, остальных отправят кого в лагеря, кого на войну. Самых «блатных» переведут в БОПы, на самых задиристых спустят батальон «ниндзя» – молчаливых парней на черных джипах, которые никогда не повторяют дважды. Но поздно, убивать станут сплошь и рядом. Страну охватит шквал криминала, евреи потянутся на малую родину, на остальных наденут ошейники. Введут жидко-колбасные пайки, нормы, статьи о «колосках», развернут систему концлагерей, одних посадят, других запугают. Третьих поставят их сторожить. Накорябают указ «О кадровой политике МВД», и из милиции повывлетают все лица неславянской национальности. Проведут указ «О компьютеризации» – под предлогом влияния электроники на физическое и психическое здоровье изымут компьютеры у тех, «кому не положено», доступ на работе ограничат,

а на Интернет вообще наложат лапу (вся страна превратится в сайт-клуб самоубийц). Сотовая связь станет доступной единицам. Откроют курсы охраны порядка, КОПы, куда полезет всякая шелупонь – фашисты, полуфашисты, футбольные фанаты. Выйдет указ «О реформе судебной системы» – до предела упростят судебную процедуру, приговоры будут штамповать поточным методом, а срок отбытки в СИЗО станет практически нулевым. И многое другое будет в этой стране...

Только нас в ней уже не будет.

14 октября в своем рабочем кабинете в ЦИОМ «Новое время» застрелился Аркадий Иванович. Я вошла и плакала, как дура, у него на плече. Позабыла, что я баба, и должна шараться от всяческих покойников... Никто не осудил Аркадия Ивановича.

Сутками позже гарнизонный Дом офицеров, где проходило совещание представителей «Бастиона», подвергся массивной атаке. Целая свора джипов блокировала здание. Парни в черной полувоенной униформе (и когда успели нашить?) без вопросов ринулись на штурм. Парадная охрана послушно вздела лапки, чем и сохранила себе жизни. Офицеры выпрыгивали из окон, падали, подкошенные автоматными очередями... Некоторые предпочли сдаваться, но почетной капитуляции не выходило – людей с отличительными знаками комсостава Российской армии швыряли на пол и до полусмерти избивали. «Долой крамолу! – ревели луженые глотки. – В расход демонов!» Самая организованная часть собрания, сплотив худые ряды, с боем вырвалась на черный ход и, разметав кордон новоявленных «ниндзя», постреляв не менее десятка уродов, пошла на прорыв. Но ударил пулемет из подъезда ближней пятиэтажки... Трое ушли или четверо – самые везучие. Разбежались, сгинув в подворотнях. Остальные так и легли кучкой у задней двери Дома офицеров...

А спустя еще сутки в мою квартиру ворвался Туманов – бледный, как привидение, злой, как цепная псина. «Динка... – схватил меня за плечи и принялся бешено целовать, – это зомби... Это дети базы, будь она неладна, понимаешь? Их посадили на власть, теперь они с нее не слезут... Забирай своего шпендика и уматывай из страны, пока не поздно. Идут аресты. Ваша редакция, или как она там называется, уже под колпаком, и, похоже, националы догадываются, чем вы там занимаетесь... Уезжай, Динка, есть одна лазейка – вы можете проскочить. На таможене пара наших людей, в Праге безвизовый режим, там тоже наши люди, рейс прямой – через неделю его закроют и уже навсегда – точно тебе говорю... Мы сделаем документы, билет – уматывай, Динка. Будешь работать на «Бастион» в Праге. Без угла не останешься... А обо мне не думай, бог даст – увидимся, все будет здорово, поверь...» Это был удар по темечку. Я поняла и заревела. Вцепилась в него, стала говорить, просить, умолять... Не поеду, не могу, березки держат... Куда там! Все было предрешено. Не Тумановым лично, другими – свыше. Он явился выразителем их воли. Согласись он тогда оставить меня в стране, другие люди пнули бы меня в эмиграцию...

Как он делал «беженке» зеленый коридор, я уже не вникала. Два дня протекли в бреду галлюцинаций... «Тяжелее всего уезжать нам оттуда, где жить невозможно», – стучали по мозгам слова производителя «гариков». «Я не хочу, мама, не хочу...» – бормотал Антошка, глотая слезы, терзал мою юбку и безвольно семеня следом, а Туманов уверенно вел нас на таможенный контроль. Я не помню, как он меня целовал и целовал ли вообще, помню лишь грациозно сидящий на нем камуфляж и липовое удостоверение, предъявленное вездесущему патрулю. Наверное, это было хорошее удостоверение – накачанное мордвороты с наглыми рожами неохотно отлипали и отдавали честь... Мы шли дальше. Мелькали залы, отстойники, переходы, овчарки на привязи. «Я не хочу, мама, не хочу...» – кто-то, квася укусное личико, дергал меня за юбку... Кто-то требовал документы, кто-то просил не волноваться... Узкая дверь в сектор номер два, за которой начиналась посадка на рейс, стала воротами в параллельный мир... «Уходи быстрее... Долгие проводы – лишние слезы...» Не помню, как вошла в этот мир. Не помню, как сдвинулся пространственно-временной континуум. Сознание вернулось

в салоне самолета, под мерное гудение двигателей. Полно, летите... Я сжимала руку ребенка, мимо иллюминатора бежала взлетная полоса со свежими лужами, и назойливое бормотание, будто заклинание шамана, вгрызалось в мозг:

– Я не хочу, мама, я не хочу...

Туманов П. И.

Мерзкий звук, выдравший Туманова из сна и казавшийся громом небесным, был обычным дверным звонком. Пошарив по стене, он нажал кнопку – стервозное сопрано проинформировало: «Четыле часа тли минуты». Действительно, мерзкий звук. Кому-то не спится, догадался он, извлекая из валявшейся на полу кобуры «Ламу М-82» – испанскую родственницу пистолета-«кольта», унаследованную в Кабардино-Балкарии. Микрофон когда-то модной системы «Посылай лежа» висел над кроватью, так что к двери он не пошел.

– Говорите, – проворчал в мембрану.

– Федеральная служба безопасности, – сказал динамик замогильным голосом. – Открывайте немедленно!

Все возможно в это смутное время, соображал почти проснувшийся Туманов, влезая в штаны. В том числе аресты под утро. Практика устойчивая, испытанная поколениями, а главное, не пошлешь, как при Бориске. Отсюда вывод – напрягись.

– В чем дело?

– Открывайте быстро! – И голос постарше, поспокойнее, сменивший замогильного: – Дверь выставим – хуже будет.

Дверь, как и замки, сработаны на совесть – кучу денег вбухал, но у ФСБ и других настойчивых контор есть своя штука, под названием «С добрым утром», – вынесет вместе с косяком. Правда, у Туманова и ответный прибор есть, «Привет незваным» называется. Один опытный человек делал. Пока чекисты от двери напротив отлипнуть будут, можно успеть на лоджию, через дыру в стеночке – на соседнюю, там в квартиру, где тетка Черных с перепою дрыхнет. А потом – либо вниз (их подъезд на другую сторону), либо на чердак.

– Выносите, – разрешил он, цепляя ляжку «тревожного» рюкзака. Вещички давно собраны. Если и впрямь «гэбэ» наехало, примерное поведение все равно не панацея. Кроссовки, курточка, что там еще...

– Открывай, падла! – заорали в динамик. Нервные какие-то. Чекисты давно бы терпение потеряли – и получили бы взрыв (одинарный, если применить гидроаккумулятор, и двойной, если... два).

– Вы из районного, ребята? Или из городского? – поинтересовался он, завязывая шнурки. Все, собрался. Можно убираться. Но вот нужно ли?

– А тебе какая разница, тварь?! А ну отворяй, я тебе сказал!

Точно, импровизаторы. К тому же глупые и нетерпеливые. Найдется кто-нибудь смелый по соседству – глаза протрет и брякнет по «02». Хотя кто нынче смелый...

– Если из районного, – Туманов облегченно вздохнул, – то позвоню дежурному, они вас, я слышал, давно пасут. А если из городского...

По лестнице зацокали копыта. Тишина. Дошло до шакалов.

Самые безотказные способы ограбления – «Патруль! Предъявите документы» или как сейчас – «Открывай, чека!». Так и прозвали – «гоп-стоп-чека». Люди пуганые, дверь отомкнут – лихие люди мало-мальски ликвидное барахло изымут, а хозяев, дабы не расстраивались, – в расход.

Бросив в угол рюкзак, он прошел на кухню, глянул в окно. В предрассветной серости, мерцающей габаритными огнями, таял микроавтобус. Светлый, «Ниссан» или «Тойота». Или... любой другой. Номеров не видно, но пусть и видно – все равно «дежурные». Можно намекнуть Гальяну. Такое отпетое хулиганство на его территории – не простит. Поймает – накажет чужаков.

Ох, дела. Почесав затылок, он отправился в ванную. Какой теперь сон?

Сентябрьское солнышко слепо шурилось, и дети в новой школьной форме (сплошная синтетика и мутант с двумя клювами на рукаве) торопились припасть к источнику знаний. Туманов достал брелок – «Кадет» приветственно бибикнул. Хуже нет – оставлять машину на улице. Но больно он поизносился накануне. Все силы ушли на Оксанку. Бог понял и посторожил.

Из подъезда по его следам выбежала соседка-долгожительница с пятого этажа.

– Пал Игорич, подождите минуточку, ух, устала гнаться за вами... Не успела, вы простите, молоко принесла, на плиту ставила...

– Не спешите, Марь Матвеевна, – Туманов скрипнул зубами. – С добрым вас утром. Случилось что?

– Утро доброе, Пал Игорич... Хотела с вечера зайти, да не было вас, а потом спать легла, давление скачет, и проспала, вы не обижайтесь... – Старушка наконец остановилась, пытаясь отдышаться.

Он не обижался.

– Марь Матвеевна, – работа в принципе не горела, начальник не опаздывает – он многозначительно задерживается. – Говорите, что случилось. Но без паники, хорошо?

– Да как же, Пал Игорич... Витальку забрали... – казалось, старушка сейчас заплачет.

Виталькой звали ее внука, шепутного отрока лет пятнадцати, которому Туманов весной устроил экскурсию в наркологический диспансер. Поймал в подвале с тремя такими же за сеансом – подростки самозабвенно вдыхали «Момент». Как водится у «кислотных», пытались возмутиться – но недолго. Для филиала концертна «Муромец», где Туманов выступал в роли начальника аналитического отдела, диспансер давно стал чем-то вроде подсобного цеха, так что поездка не была чистой благотворительностью. Вволю наглядевшись на пьяниц с «белочкой», на «ширевых» в ломке и более подробно – на превратившихся в овощную грядку ветеранов клея, Виталик определенные выводы сделал. Отец отбывал сельхозповинность (на его счастье, а то отбывал бы севернее, чудак приклатненный), мать погибла в перестрелке год назад, оказавшись с булкой хлеба между двумя бандами, так что кормить и лелеять подростка пришлось бабке. Авторитетный сосед с положением в обществе воспринимался Марьей Матвеевной как подарок судьбы, чем она периодически и пользовалась.

Путаясь в словах и впадая в мемуаристику, старушка поведала, как вчера днем прибежал друг Виталика Серега, лично видевший, как пьяного бабкиного внука самым драматичным образом заметал патруль. Бабка сбегала в РОВД, но там паренька выдавать отказались, а породовали фразами вроде «сопротивление патрулю» и «хулиганские действия».

– Посадят парня, ведь посадят, а?.. – причитала старушенция, поглядывая на Туманова с какой-то неясной надеждой. – Маленький он совсем, да закон уж нынче строгий...

– Погодите, Марь Матвеевна, не надо расстраиваться раньше времени. И вообще не надо. У вас телефон работает?

– Работает, Пал Игорич... Виталик починил, у него ручонки золотые, кабы не Гришка, алкоголик проклятый, был бы парень как парень...

Гришкой звали отца Виталика, а телефон грохнул об пол сам сынуля недели три назад в знак могучего протеста.

– Вы вот что, Марь Матвеевна. Идите домой, а я узнаю в милиции про ваше чадо. Сейчас девять, в одиннадцать я вам позвоню. Таблетки дома есть?

– Да, конечно, спасибо вам, Пал Игорич, вы уж узнайте...

Под медной доской с надписью «Концерт «Муромец». Энский филиал» тянул папиросу гигант мысли Костя по фамилии Рогов – по кличке соответственно Рог – плечистый детина с травмированными ушами и впечатляющей шеей. Остальная фигура, затянутая в камуфляж, соответствовала. Директор филиала Кравцов в молодости посещал самбо, борцам симпатизи-

ровал, в людях разбирался и Рога время от времени на ворота ставил не зря – кого велели, впускал, а прочих разворачивал невзирая на форму, чины и кобуру на поясе.

– Здравствуй, Костя, – поздоровался Туманов. – Враги не приходили?

– Здравствуйте, Павел Игоревич, – боец выпятил грудь. – Не пройдут!

– Ну, бди, – кивнул Туманов и поднялся на пятый этаж.

Милена, она же Мила, она же Лена, кому как приятно, диспетчер отдела, вершила маникюр. Поздоровалась. Поднесла руку к лицу и стала одним проникновенным глазом рассматривать Туманова, другим – ноготочки. Ноготочки были высший класс. Правда, лак – отечественный.

– Звонили?

– Шульга из транспортного, – пропела Милочка. – Насчет использования порожняка, он перезвонит. Гарницкий, просил позвонить, он в сводке есть. Так, еще – Бежан Борис Андреевич. Я записала, вот, – Милочка посплюнявила календарик: – «Если интересуется рубероид, от двух вагонов, буду звонить после двух. Бежан». Все. Вот почта.

– Сводки принесли?

– Принесли, Павел Игоревич.

– Кофе есть?

– Есть, Павел Игоревич. Только это не кофе! – Девочка игриво подула на ноготок...

Он курил, прихлебывая насыщенную цикорием жижу. Настроение портилось. Черт явился за его душой, не иначе. «Если интересуется рубероид»... Какое дело начальнику аналитического подразделения до строительных материалов? Целую вечность назад, чудом выбравшись с фабрики по производству зомби, попутно прихватив с собой очень привлекательную женщину, Туманов ощутил свою полезность и завербовался (читай, завербовали) в «Бастион» – нелегальную организацию неусидчивых вояк, возмнивших себя спасителями Отечества. В первые годы века это было не самой большой бравадой. Зачем им понадобился бывший опер – не совсем понятно. Возможно, по принципу «лишней веревочки в добром хозяйстве», возможно, по разнарядке. Тренировочная база, краткий отпуск, Чечня. Работал легально, под своим именем. Никому из «сотрудников» «Бастиона» не возбранялось участвовать в боевых действиях – лишь бы языком не болтали и выжили. Впрочем, добровольцем он себя не признавал: удовольствия от войны не испытывал. Очень часто вспоминал родную ментуру и до слез грустил. Номинально он являлся представителем штаба Объединенной группировки на том или ином участке, фактически – координатором, а нередко – и прямым участником событий. Дважды под Гей-Чу вязывался в рукопашную, когда с одной стороны в мертвой тишине из-за хребта набегали обкуренные «душманы», с другой – озверелая с голодухи десантура. Бились до последнего. Превосходящий числом и побеждал. Не Альпы, не умением... Под Грозным, на пару с немногословным умником из ГРУ, которому Туманова ангажировали в качестве «парня на подхвате», провели акцию, отличились: направили банду на минные поля и сами ошалели – да неужто получилось? (Сто тысяч баксов работнику ФСБ за коридор – это, конечно, сказка для телевизора, но пять-десять – почему бы нет? У него жена, дети... Впрочем, умник из ГРУ получил больше.) Под Чапаевкой влупило по бронезилету. Неделию провалялся. Спасибо за отпуск. Четыре дня сладкой жизни пролетели, как в дурмане. Потом – Шарой, Сержень-Юрт. Новая власть. Кавказ трянуло по всему Большому хребту. Полыхнуло разом, словно стоворились. Из Алагира его вывозили на вертолете – очередь из РПК распорола бедро. Мягкие ткани пострадали. Месяц похромал – снова за работу. А работы навалом – наших били по всему фронту, потери несли жуткие, и, главное, никто не представлял, во что вязались. Тогдашний куратор Гибадуллин отыскал его под Домбаем, подавленного, быстро спивающегося – отправил в Иркутск. Там к осени и оценил он по достоинству размах постигшего страну несчастья. Поначалу было ясно и красиво – развернемся, прижучим казнокрадов, приличных людей поддержим... Поддержали. Не все, правда. Кое-кто, явно заме-

шанный в тогдашние игры, нынче пригрелся в ЦК НПФ, структурах пониже и неплохо себя чувствовал; кое-кто рванул на Запад. Чрезвычайщина, «восстановление армии», «наведение порядка»... Навели, спасители. Только в родном округе генерал-майор Буторин застрелился, не снеся позора, генерал-лейтенант Козырев расстрелян по приговору трибунала (вот тебе и слуга царю, отец солдатам), еще семеро получили сроки, десятка три уволено. А ради чего? Ну, заработали со скрежетом заводы, ну и что? Цены подскочили втрое, зарплата скрючилась, частных лавочек осталось с гулькин нос: не все, что удивительно, бизнесмены, возжелали вступить в НПФ. Новый «железный занавес» – отгрохали, православие на щит – подняли, доллар – упразднили. Реорганизованные спецслужбы, чувствуя звездный час, подняли головы. В один прекрасный день узнали про слово «Бастион». Тогда он и помчался в Энск, напуганный за судьбу единственного близкого человека. Доверенные люди сделали Динке билет, «коридор» – отправили с богом. Вернулся злой, потрясенный. Но не спился, как многие, работа засосала. Руководил одной из охранных структур в концерне «Булат», попутно содействовал диверсии на Байкальском ЦБК – дело «Бест» (заодно и на Ольхон сплавал, за редкой травкой сагандайлей – незаменимой от похмелья и для потенции). Руководил терактом в поселке «Ленинец» под Иркутском (царствие вам небесное, господин второй секретарь). Дважды проводил евреев через Кяхту. Когда пришли чекисты и стали хватать руководство «Булата» – предпочел не играть с судьбой. Сиганул в окно и, приняв грязевую ванну, скрылся в тумане. Всплыл в Лесосибирске – свои люди порекомендовали фирму «Енисей» – отсидись, мол, отдохни. Полгода не заметил как пролетели. «Ну ты даешь, брат, – присвистнул Гибадуллин, явившись однажды под утро – в цивильном костюмчике, с портфелем. – От тебя в этой дыре проку, извини, как от ядерщика в кошаре». И предложил трудоустроить на родине, в Энске. Сомнительная фирма (тогда «Муромец» и вправду был сомнительной фирмой), зато при должности – замначальника аналитического отдела. «Научишься, – пообещал Гибадуллин. – Город твой, менты твои, не всех еще разогнали, биографию оставим как есть, рекомендации – закачаешься. И шеф твой – наша креатура». Начальника аналитического отдела Мещерякова Сан Саныча «Бастион» действительно на чем-то зацепил. Пришлось подвизаться в подпольщиках. Впрочем, через месяц Сан Саныча не стало: прямо в рабочем кабинете 47-летнего службиста, никогда не жалующегося на сердце, хватил инсульт. Туманов, как наиболее перспективный, уселся на его место: Кравцов действительно разбирался в людях. Полетели недели... Прибыл связной, дал явку и код. Полетели месяцы... Познакомился с женщиной, лишившейся мужа (в Америку рванул, стервец), стали встречаться. Жизнь входила в колею. И вот оно, дождались. Ключевые слова – «если интересуется рубероид»...

Тяжело...

Конверт со штампом «отдел охраны» содержал, как обычно, два листа. Начальник отдела, некий Котляр, бывший капитан ФСБ, ненавидел Туманова всей душой. Обидное дело – перед ментовским старлеем отчитываться и не шипеть – потому что вылетел из органов за «крышу», предоставленную азербайджанцам еще до ЧП. Это ж надо так обхалтуриться! Отчасти, впрочем, повезло, попадись он после, им бы сейчас не старлей из ментуры в конторе заведовал, а урка-бригадир на лесоповале. А до лесоповала еще доехать надо и не помереть – не любят блатные чекистов. Милицию они, впрочем, тоже не любят. Каждое утро Котляр заявлялся к восьми, правил сводку происшествий и отдавал диспетчеру, милой девушке Жене: «Отнеси этому менту». А милая девушка перепечатывала оригинал сводки и приносила оба – чистый и грязный. Потому что Котляр, как она жаловалась, – прилипала и требует интимных услуг, «а у самого ни в какую и неизвестно, когда заработает. Пока его, замороженного, ублажишь, пройдет тысячелетие, а у меня что, других дел нет?..»

Туманов раскрыл сводку.

Склад на Лесоперевалке. Два ухаля «по халатности охранника Борзых» (пьянствовал Борзых, не иначе, приносил и распивал) увели фанеру. Много. Ущерб уточняется. Виновный наказан.

Товарная станция Лещиха. При разгрузке вагона с китайским ширпотребом приходил молодой человек, возраст около двадцати (грамотей), «с целью выяснить, чья «крыша». Заняться чекисту нечем. Ходили, ходят и будут ходить. Услышат про «Муромец» – отваливают.

Так, а это Котляр решил зажать. Абзац вычеркнут полностью.

«В магазин «Для дома, для семьи» на Благовещенской, 29, за час до закрытия...» Двое крепких ребят зашли проведать – «мы район держим, платить будете Чугуну (это еще что за покойник?), завтра приготовите полста кусков». Мелко плавают. Оборот у магазина – миллион полтора в день, не считая отоварки. Значит, чекист размяться решил. Соберет «зондеркоманду», сядет в засаду, те за деньгами, а он – «руки вверх» и сдаст в милицию. А потом Кравцову нахвастает, чтоб директор не забыл, что у него начальник охраны – дурак.

Ну что ж, лишний повод зайти к Гальяну.

Далее шла сводка аналитиков...

Звякнул селектор.

– Павел Игоревич, – прошелестела Леночка, она же Милочка. – К вам Иванцов просится. – Только этого инвалида не хватало.

– Скажи – уехал в... («Тугодум ты стал», – подумал Туманов.) Куда я уехал, Милочка?

– В горсовет.

– Умница. А зачем?

– Я придумаю, Павел Игоревич.

– Вот и целую.

– Да вы все обещаете, обещаете...

Действительно. Мог бы и поцеловать. Кстати, о звонках. Туманов отбил номер.

– ГОВД? Дежурный? Здравствуй, Николай. Как жена, дети?.. Не женат, говоришь? Слушай, у тебя пацан числится, Осипов Виталий, 85-го года отрок. Оформил? Отправил? За кем он?.. Ладно, с Польшинным я разберусь. Скажи, Туманов подъедет, пусть пока в «стакане» посидит. Места нет? Ничего, он тощий. Скоро буду.

Туманов скормил сводки единственной на всю контору «соломорезке», вышел, хлопнув дверь. Секретарша взметнула глазки.

– Милочка!

– Леночка...

– Как Леночка? Какая ты изменчивая, Милочка. Держи оборону, ладно? Я к обеду приеду и торт привезу.

– Зачем? – удивилась девочка.

– Как зачем? Ты когда сюда устроилась? Год назад, правильно. Восьмого сентября. Пришла вся из себя такая скромненькая, глазки в пол, ручки за спину... Помнишь? А кем стала? Начальницей аналитического отдела.

– Павел Игоревич, вы феномен...

– Я в другом феномен. Будешь умной девочкой, расскажу. Все, держи оборону.

Под обиженное «да вы все обещаете, обещаете...» он убыл.

Освобождение непутевого подростка вкупе с отправкой в толчок «сопроводиловки», в которую трудолюбивый Польшин успел вписать и «хулиганские действия», и «сопротивление патрулю», и полный бред про «нецензурную брань» (когда успел? наверняка били без пауз), обошлось Туманову в литр водки – оперу, и два пива – дежурному. Виталик вышел, полыхая свежими фонарями – сопротивлялся, видимо, головой.

– Ну и что с тобой, чудачком, делать будем? – вздохнул Туманов, когда спасенный угрюмо влез в машину и пристегнулся.

Виталик хрипло вдохнул и ни к селу ни к городу понес про гадов-патрульных, что среди бела дня его, «совсем трезвого», ни за что ни про что замели прямо под бабкиными окнами.

– Не ври, не в милиции, – перебил Туманов, обруливая монтируемый гигантский плакат с располагающей физиономией президента и надписью: «Мы подняли Россию с колен!»

– И поставили на карачки... – пробормотал тихо.

– Что? – не расслышал Виталик.

– Не подслушивай. И учти, среди бела дня «ни про что» таких сопляков, как ты, пока не заматают. Будь ты девицей или врагом народа – другое дело. Поставь свечку, что не попал к Самцову – он бы махом тебя во враги произвел, а потом сокамерники – в девицы. Молчи, – покосился он на пыжащегося пацана. – Головой думай.

– О чем? – приуныл Виталик.

Туманов подрулил к светофору, остановился перед грязно-канареечным «купе». Вдохнул и поглядел на парня – глаза в глаза. Тот отвел свои и сморщился от боли.

– О времени и о себе, Виталья. О бабке. Как жить дальше будешь?

– Школу закончу...

– ...И в тюрьму сяду.

Зачем, спрашивается, Макаренко из себя корчит? Папа стежку протоптал, и сынок туда же. Вечно его вытаскивать? Нашли опекуна. Всех не вытасишь.

– А что делать? – заныл отрок.

– Можно палатки бомбить. Можно магазины. Блеск. К примеру, двое смертников вчера на Благовещенской бабки шальные трясли.

– Почему смертники? – не понял Виталик.

– А потому что недолго им осталось. Ты их знаешь?

В глазах отрока мелькнуло что-то компетентное. Но он быстро отвел глаза.

– Откуда?

– Знаешь, юноша, – построжал Туманов. – Кто такие?

– А вам зачем? – На этот раз взгляд был прямой – что, с одной стороны, и похвально.

– Ты лучше спроси, – предложил Туманов, вырুলывая на Ленина, – зачем я тебя из ментуры вытаскивал.

– Допустим, спросил, – выдавил парень, уставясь в пол.

– Бабку жалко. И ты не потеряй. Пока голова работает.

– Вязьма и Лорд, – бухнул Виталик.

– Шибко крутые, да?

– Они по году отсидели – на малолетке. И два – на взросляке...

– А теперь подумай, что будет, когда до Гальяна дойдет – махновцы на его территории? –

Убедившись, что до парня дошло, смягчился: – В школе надоело?

– Надоело, – подтвердил пацан.

– Есть одно хитрое ПТУ. Не плюйся, там делу учат и заработать можно. Бабка говорит, ты в технике спец?

– Ну, не во всякой... – Парень неудержимо покраснел. – Какой я, на фиг, спец...

– Хочешь – устрою. Не хочешь – благуй. Твои похороны.

Виталья молчал минут пять.

– А там точно заработать можно?

– Если руки под дело заточены.

– Я подумаю.

– Думай. Иркутская, 9. Спросишь Михал Антоныча, скажешь, от Туманова. Все, выметайся, мальчишка, приехали.

Виталик помялся, открыл дверцу.

– Пал Игорич...

– Ну.

– Спасибо вам...

– Много, беги.

Михаил Антонович Векшин в другое время был бы известен не меньше Макаренко или Спока. Учитель от бога, он ухитрился скромное ПТУ при радиозаводе превратить во вполне доходное – для юных тружеников – предприятие. Нашел учителей, дающих знания на уровне, оборудовал спортзал, нанял тренера. Умудрялся увиливать от опеки назойливых югендфюреров из СМП (Союза Молодых Патриотов). Хорошо это, конечно, но печально. Сколь веревочка ни вейся... Посадят Векшина по доносу, а его ребята, если не сядут за компанию, станут еще одной местной бандой, которым в этом городе учета нет.

Внезапно заныла голова. Самое время – рабочий день только начался. Он откинул ее на подголовник, стал машинально крутить настройку приемника.

Эфир выдавал что-то неживое, выжженое. Диапазон FM упразднили (как не было, так и дальше не будет). На средних волнах вещал вечный «Маяк», на длинных – радио «Возрождение», на УКВ – местный «Голос Энска». Слушать нечего. Сплошные успехи.

Позывные колокола «Возрождения» сменил нетленный хит горластого Гамзанова «Из глубины веков» – порядком надоевший, но в определенных кругах имевший бешеную популярность и даже прозванный непонятно с чего «гимном Нового Возрождения».

Маршевый бой барабана нестерпимо стучал по ушам. Он раздраженно переключил диапазон.

– ...В ходе стремительного продвижения вдоль трассы Караюрт – Ноябрьск силами 224-й бригады и 61-го мотострелкового полка нанесен значительный урон боевикам, окопавшимся вблизи села Мансурово. Уничтожен склад боеприпасов, восемь единиц бронетехники и более сотни бандитов. Взят под контроль ряд господствующих высот над нефтеперерабатывающим комплексом Балабаевский, близ которого отмечены паника и поспешная перегруппировка бандформирований. Командующий сухопутной группировкой на Северном Кавказе генерал-лейтенант Ипатов выразил твердую уверенность, что уже к середине сентября...

Не осталось уже ни злости, ни обиды, душа переболела. Воевали мертвые души. 224-я Юргинская бригада, прозванная «бешеной», еще в июле сгнула в районе Кургунского ущелья, поимев глупость пуститься в преследование якобы разбитого войска «имама» Дакаева. Полегла практически вся – за тактические ошибки гяуры платили по полной строгости. То, что спустя две недели, покалеченное и обезумевшее, выбралось из западни, меньше всего напоминало бравую бригаду, а больше – какой-то сумасшедший лазарет с числом больных порядка взвода – без техники, почти без оружия...

Знали об этом, естественно, немногие. И те помалкивали.

За заводом рембыттехники дорога сузилась. Этот участок ремонтировали года полтора. И никаких перспектив. Проплыла разрушенная котельная – следствие прошлогоднего теракта (неизвестного мастера), потянулись низенькие корпуса фабрики металлоизделий. Номенклатура производимой здесь продукции отличалась редким разнообразием – от крючков для полотенец до карданных валов уборочных комбайнов. Иногда зарплату платили. А в прошлом году производство встало. Заработал молох. Руководство фабрики обвинили в воровстве и причастности к производству и сбыту левой продукции. Директору дали вышку, остальных, вплоть до мастеров участков, пересажали, фабрику закрыли. Какие-то «комсомольцы» пытались приспособить пустующие площади под проведение своих шумных мероприятий, но местный ареопаг распорядился иначе. «Комсомольцев» прогнали. Постановили – резервная территория и никаких гвоздей. Дворы поросли бурьяном, машинерию растащили.

Заморосил дождик. Подъехав к приземистой облезлой, но еще крепкой на вид избе, Туманов остановился, посигналил.

Загавкал пес. Через пару минут из калитки выглянул опухший мужичонка и вежливо спросил:

– Какого надо? Гудишь тут...

– Скажи Михалычу, Туманов по его душу.

Опухший чего-то проворчал и убрался в дом. Через пять минут вернулся, дохромал до ворот гаража – вровень с забором – принялся возиться с всяческим замком. Отпер, распахнул ворота, ушел внутрь.

Задняя стена гаража была переоборудована в еще одни ворота – уже открытые. Туманов проехал гараж, теплицу, где грядки теснились у боковых стенок, а стекла в рамах не только никогда не мыли, но и намеренно пачкали, и оказался в новом гараже – подземном. Компанию «Кадету» составили «БМВ», ниссановский джип и замызганная «четверка». Гостя встретил и молча сопроводил на поверхность молчаливый шкаф с кобурой под мышкой. В доме, снаружи неотличимом от других обшарпанных изб местного частного сектора, а внутри обилием ковров и быттехники напоминавшем склад хозяйственного магазина, ждал коротконогий, почти квадратный крепыш с белым шрамом в пол-лица – Меченый, он же Гальян.

Виктор Михайлович Галеев криминальную карьеру начал резко – с ограбления в 79-м в составе банды покойного Студента склада «Ювелирторга». При обыске, кроме старенького «ТТ», обнаружили числящееся по списку кольцо с маленьким бриллианчиком, и один слушатель из сокамерников выдал Галееву кличку (Гальян, по фене – бриллиант). Отсидев пару пятилеток, Гальян активно включился в рэкет – не забывая добрых воровских традиций, но и не брезгуя злыми бандитскими. На первые роли не выступал. Обходили молодые и наглые. Не возглавлял фирм, не вступал в партии, не выставлял свою кандидатуру на выборах. И в тяжелые времена Чрезвычайного положения, когда Рустам-апельсин, купивший титул вора в законе за пол-лимона зеленыю, предпочел сбежать, Вяза и Малыша пристрелили «при попытке сопротивления», а Бондарь просто исчез, унаследовал район. Не построив особняка в веселые годы демократии, Гальян так и остался жить в Нахаловке. Вокруг «резиденции» надежно прикормленные соседи, никакой спецназ втихую не подберется. Заборы, плетни, «ягодный» кустарник, непролазная грязь летом и лед зимой. Дом, впрочем, обставил, проведя горячую воду и телефон, а заодно – подземный ход в подвал возведенной в девяносто девятом элитной многоэтажки, где Гальяну принадлежала квартира, оформленная на чужое имя.

– Что скажешь, Туманов? – Присесть и угощения с разносолами не предлагал: пришел бывший мент, пусть выкладывает свое дело и убирается.

– Бардак у тебя в районе, Галеев.

– Дальше, Туманов, – поморщился авторитет.

– Цинбан рынки шерстит.

– Тебя задели?

– Тех, что задели, уже обработали.

Пятерых китайцев, пытавшихся обложить данью ларьки, принадлежавшие «Муромцу», встретили хорошо подготовленные ребята из группы безопасности тумановского отдела и провели просветработу на тему: «Будем дружить или будем садиться?»

– Шпана какая-то в гоп-стоп-чека играет. Знаешь, Галеев, я по ночам люблю спать, а не нервничать.

– Разберусь, – помрачнел Галеев.

– Двое крутых посетили наш магазин на Благовещенской. Сказали, теперь им надо платить. Нам самим их воспитывать или тебе оставить?

– Кто такие? – Гальян багровел на глазах.

– Вязьма и Лорд, есть такое мнение.

– Тебе их прислать? – процедил хозяин.

– Мне-то они зачем? Это твои игрушки...

Возвращаясь через сквозной гараж, он представил, как вооруженная «зондеркоманда» Котляра весь день напролет, прикидываясь покупателями, отпугивает покупателей настоящих, – и слегка повеселел.

Бежан – высокий, накачанный, движения обманчиво неуклюжие, по облику – типичный бандит из «умных», разливал водку. Стол сварганил по уму, но у плиты не стоял – все готовое, с рынка. Даже форекол – норвежское блюдо из баранины и кислой капусты – брал в готовом виде. В квартире чисто, но как бы это выразить – неуютно. Нет хозяйки, хата съемная и, хочется верить, на предмет «жучков», «клопов» и прочих насекомых проверенная.

– За светлое завтра, Павел Игоревич, – хитровато щурясь, поднял рюмку Бежан. Выпили, закусили совхозной буженинкой.

Туманов поинтересовался:

– У Кривули служил, Борис Андреевич?

Майор Кривонос, командовавший их батальоном при фильтрации «лояльной» Чечни – той, что севернее Терека, этот радостный тост обожал. А возможно, верил в мистическую силу пожеланий, sprysnutых крепким алкоголем. Вера не оправдалась – снайперская пуля уложила майора под Наурской, как раз в тот момент, когда, извлекая из дальнего кармана фляжку, он позволил своей голове воспарить над окопом. Сам Туманов к тому времени из батальона уже убыл, увозя с собой двух чеченцев бородатого вида. Омоновцы, изловив их в хорошо замаскированном подвале под овчарней, хотели тут же пристрелить, но «командированный от штаба» беспардонно отнял. Обиду залили привозным спиртом, а пленные получили отсрочку – на пару дней, рассказали все, что знали (попробовали бы не рассказать), и – вполне заслуженно почтили без скучной судебной волокиты.

– Он у меня служил, – уточнил Бежан, разливая по новой. – Хорошо идет, а, Павел Игоревич? Может, девочек позвать? Из бюро добрых услуг?

– Или мальчиков. Из другого бюро, но с магнитофонами, – пробормотал Туманов. – Бросай цирк, Борис Андреевич. Ночь коротка.

– Спят облака, – Бежан подмигнул и отодвинул стопку. – Как скажешь, Павел Игоревич. Ваша фирма сельхозпродукцией занимается?

– Да.

– Тогда слушай.

Какие-то глубоко законспирированные «партизанские» хозяйства из северных районов искали покупателей мяса. По возможности своих и без засветки. Любая засветка в таком деле чревата немедленным уничтожением как самого хозяйства, так и «фермеров».

– Сделка чистая, – перейдя на строгий тон, стал убеждать Бежан. – Мясо переправляем через ваши заготконторы в Турово и Столешино. Поставщик липовый, но кто докажет? На поросятах не написано, что они партизанские, верно, Павел Игоревич? А документы и все сопроводилки настоящие. В случае прокола ваша фирма не отвечает – виноваты заготконторы: самодеятельностью занимаются. Но я обещаю тебе, Павел Игоревич, прокола не будет. А стопроцентная прибыль – гарантирована. И вашей конторе, и... – Бежан лукаво подмигнул. – И нашей.

– Буду думать, – вздохнул Туманов.

– Думай. И побухти наутро с шефом, добро? Дави на то, что поставки будут осуществляться с Гремяжьего хутора – это наша область, недалеко от Крутихи. Там официальное хозяйство, он должен знать. Надумает проверить – люди из Крутихи подтвердят, у них все схвачено. Так поможешь, Павел Игоревич? Учти, у партизан цена смешная.

– Подумаем.

– И еще одно, – Бежан помолчал. – Просьба у меня к тебе великая. Хочу завтра тебя поэксплуатировать. Не против? После полуночи?

– Девочки? – Туманов нахмурился. – Или мальчики?

– Скажем, мальчик, – Бежан натянуто улыбнулся. – Переросток. С деятелем одним надо разобраться... Сволочь редкостная. Подстрахуешь?..

Дьявол... А ведь точно прибыл по его душу. Полтора года от «Бастиона» ни слуху ни духу. Он забыл и про присягу, и про роль законсервированного агента, которого могут расконсервировать в любую минуту. Должность аналитика в процветающей фирме Туманова устраивала. Начальство терпит, люди уважают, деньги рекой – чего еще надо миролюбивому мужику в смутное время?

Рука машинально потянулась к бутылке. Поосторожнее бы надо. Завалиться проще пареного. Прощай тогда и сытая жизнь, и положение в обществе...

– Ты жуй телячьи нежности, Павел Игоревич, жуй, не стесняйся, – Бежан улыбался. Серыми глазами прощупывал собеседника хитро и пристально.

«А ведь я о нем ничего не знаю, – думал Туманов. – Да, гонец, да, представитель «Бастиона». Выдал условную фразу – и, выходит, он обязан ему теперь подчиниться. Хоть тресни, а обязан. Таковы правила. Нарушать нельзя. Опасно».

Он со злостью воткнул вилку в грубо отрезанный телячий шмат. (Интересно, как у этой скотинки с губчатой энцефалопатией?) Ну ладно, с Олегом Ивановичем Кравцовым он договорится – директор «Муромца», невзирая на близость к националам, мужик нормальный. Не самодурствует. Подчиненного охотно выслушает и помозгует. А вот пойдет ли навстречу – забота уже не Туманова. Да и для Бежана данное «свиное» поручение, похоже, просто так – в нагрузочку.

Чего он удумал? Ясный факт, Боря Бежан притащился в Энск не водочку кушать. С кем он собрался разобраться?

– Поехали, Борис Андреевич, – Туманов поднял стопку. Время не резиновое, надо закругляться. Собутыльник выпится, а ему с утра на работу.

– Полетели, Павел Игоревич, – Бежан небрежно чокнулся, расплескав капли по столу. Глазки весело заблестели. – Как говаривал мой предок-хохмач – за ту макаронную фабрику, что производит эту горилку... Ну, будь.

Кравцов О.И.

Охранник безвылазно сторожил эту дачу. По ночам включал периметр, отвязывал овчарку Ладу. Иногда самолично совершал моционы, хотя делал это без удовольствия и большей частью для «галочки». По натуре домосед, он предпочитал сидеть сиднем в своей будке и смотреть старые видеофильмы. Иногда приглашал девочек – благо телефон под рукой, записная книжка исчиркана от «аз» до «ижицы», а дом Кравцова настолько велик и стильно обставлен, что не возникало никакого чувства неловкости. Приглашал как к себе домой, дамам и девочкам нравилось. Накладок не боялся – хозяин всегда загодя предупреждал о своем явлении. Бери трубку радиотелефона, тащи подругу в одну из трех спален и куролесь, пока твой главный друг не ляжет в походное положение. Беречь надо такую работу.

В этот день, однако, нестыковка вышла. Позвонил, гад утробистый, пробормотал, что прибудет в шесть-семь. И прибыл. Как штык. Шоферюгу – в шоферскую, сам наверх – и молчок. И никакой надежды, что уедет до полуночи. Вот именно – никакой тебе Надежды. Пришлось, скрипя зубами, звонить Надьке и переигрывать на неопределенный срок. А приедет ли она повторно – вопрос, конечно, интересный. Беда, словом. А в девять прикатил еще один – на старом «Кадете» с разболтанными мостами. Крепкий мужик, под сорок, на вид серьезный, с грустинкой в голубых глазах. Представил корочки на имя Туманова. Хозяин велел пустить. Минут тридцать почикали, потом как прибыл, так и убыл. Грустинки, правда, меньше стало. Не успел он заварить кофеек, как брякнул сверху хозяин и поставил в известность, что к одиннадцати подъедет «БМВ» номер такой-то и его тоже надобно пропустить. Надобно так надобно. Охранник выпил кофе, перетряс просмотренные кассеты, а там и «бээмвэшник» пожаловал. Прогудел нетерпеливо – не спи, ключник. Загавкала овчарка на цепи. Она всегда гавкает – дело рядовое. Кабы не гавкала – давно бы прибил. Охранник нажал кнопку на пульте. Ворота, болтаясь из стороны в сторону, раздвинулись. «БМВ» въехал во двор, вкрадчиво шелестя шинами, остановился неподалеку от крыльца с резными завитушками над колоннами. Не машина, зверь – в натуре «боевая машина вымогателей». Цвет не разберешь, окна тонированы: кто в салоне – не видать. Да еще эти фары в ползадницы...

Охранник закрыл ворота, шикнул на овчарку, псина угомонилась, влезла под будку и принялась оттуда угрюмо ворчать. Из передней двери автомобиля возник человек – темный, подтянутый силуэт, легко взобрался на крыльцо. Звякнул колокольчик над дверью – вошел в дом, стало быть...

Ох, уж эта мода на лапотную старину, будь она неладна. Современные бра вызывающе чередовались лубочными мотивами на витражах, отделанные под сруб стены – с зеркальным журнальным столиком, сермяжная галошница под палех – с вычурным итальянским потолком. В мутноватом свете бра прямо по фронту виднелась оттененная портьерами гостиная, налево – винтовая лестница. Справа, за витиевато вырезанным косяком, угадывался контур бильярдного стола.

Гость повернул к лестнице.

Хозяин встретил его наверху – в комнате, смежной со спальней. Именно здесь он проводил деловые встречи – особенно те, которые не любил афишировать.

Состоялось рукопожатие. Гость сел напротив хозяина. Хозяин нервно курил, бросая пепел в хрустальную пепельницу, посреди которой уже лежали горкой четыре окурка.

– Я вас слушаю.

Голос выдавал волнение. В бледном свете массивного электрожирандоля проступала гладкая физиономия, мясистые щеки и ворот домашнего халата, надетого поверх белой сорочки. Глаза, обведенные каймой дряблой кожи, казались полузакрытыми.

Гость – невысокий крепыш с физиономией колхозного тракториста – сохранял спокойствие.

– Люди говорят, еще товар нужен, – произнес он без выражения.

Хозяин вздрогнул, дряблые круги под глазами шевельнулись, показались бледные зрачки.

– Вы спятили... Потрудитесь объяснить, Сергей Сергеевич. Партию товара нельзя увеличить, это слишком неоправданный риск... Да и как вы смеете требовать? Кусать кормящую руку, Сергей Сергеевич... Это неприлично.

Гость поморщился:

– Олег Иванович, дорогой, помилуйте, ни к чему нам скандал в благородном семействе. Я же не почку у вас забираю на нужды народной медицины? Людям нужен товар. Людям виднее. И давайте не будем жевать мочало, хорошо? Ну что вы хотите? – На губах гостя внезапно заиграла иезуитская улыбочка. – Худые времена, худые ботинки... Люди должны как-то питаться, кормить семьи, жить, в конце концов.

– Вы людоеды, – буркнул хозяин.

– Мы деловые люди, – опроверг визитер.

Внезапно улыбочка стала еще ослепительнее. Уголки губ поползли вверх, показался неправильный прикус.

– Соблюдаем декорум, Олег Иванович? Выпьем? Где ваше радушие?

Хозяин дачи махнул рукой:

– Да как хотите. В баре мое радушие, вы же знаете.

Гость пружинисто встал. Повозился у бара. Через минуту вернулся с двумя наполненными желтоватой жидкостью рюмками. Одну протянул хозяину.

– За здоровье?

Чокнулись. Выпили. Доброкачественный коньячок заиграл по жилам.

– Спасибо, не за упокой, – проворчал хозяин.

Гость засмеялся – ради приличия.

– Итак, Олег Иванович?

– Нет и еще раз нет, – сказал хозяин. – Это исключено. Партия товара не может быть увеличена. Равно как и частота поставок.

Возможно, коньяк придал ему решимости.

Гость прищурился:

– Вам не приходит в голову мысль, Олег Иванович, что одно звено в нашей цепи становится лишним? Какое-то оно обременительное, это звено. Мы можем напрямую задействовать начальника цеха, вам не кажется? Куда он денется? Если человек замаран, разве будет человек упрямяться?

– Вы забыли, с кем... – прошептал хозяин. Его лицо по бледности сравнялось с бледным светом настенного жирандоля и как бы растворилось в зыбком воздухе. Остались полумертвые глаза, блестящие ожиданием неприятностей.

Гость ненадолго задумался. Потом как бы встрепенулся:

– Выпьем еще, Олег Иванович? За тихую пристань?

– Как вам угодно...

Человек поднялся, обошел сидящего слева. Но до бара уже не добрался, передумал. Все произошло мгновенно. Из ниоткуда возник несуразно длинный ствол с глушителем. Уперся в висок, щелчок... Олег Иванович остался сидеть. Только голова дернулась и, словно оперевшись в пружину, моментально вернулась в изначальное положение.

Гость вынул из кармана рацию...

Отворилась задняя дверь машины. Человек выскользнул – гибкой тенью. Собака успела заворчать и выкатиться из-под крыльца, но мнения не выразила – последовал аналогичный

негромкий шелчок, и ворчание оборвалось. Охранник не услышал. А услышал бы, все равно не успел бы среагировать. Он сидел спиной к двери и зачарованно смотрел на экран, где два молодых тела, окутанные бледно-розовым свечением, вершили то, что юмористы америкосы называют «деланьем любви». Он ухватил лишь малую толику – шуршание открываемой двери. А следом пуля, проломив кость, вошла в затылок и бросила голову на стол – со всего размаха. Убийца вошел в будку. На минутку задержался у экрана, где события разворачивалась бурно и оригинально, не спеша выдернул шнур из розетки и покинул сцену.

Человек, убивший хозяина, спустился вниз, пистолет покоился во внутреннем кармане. Он прошел через темный бархат бильярдной. Постучал в дверь, упрятанную за волнистой драпировкой.

– Илья?

Скрип кровати не заставил долго ждать. Дверь распахнулась, и мрак обрисовал художавый силуэт шофера.

– Кто это?..

– Я это, – подсказал убийца.

– Кро... ой, извините... Сергей Сергеевич? Вы здесь... как?

– Дела, Илюша, дела.

– Входите, – шофер засуетился. – Олег Иванович не говорил, что вы приедете... Я сейчас свет включу, подождите...

– Постой, Илюша. Некогда нам, голубчик, извини, – убийца дважды надавил на спусковой крючок. Для верности. Шофер неуклюже грохнулся, не успев даже простонать. Слишком неуклюже – зацепил ногой столик, уронил что-то массивное – оно покатилося по полу, дребезжа и тихо подвывая. Понежнее бы надо.

Губский Л.В.

Милиция не замедлила. Приехать вовремя – уже полдела.

Расклад выходил следующей. Обещанная начальством дачка-завалюшка предстала добротным двухэтажным особняком с заколоченной оградой, внушительными воротами и «колпаком» охранника. В «колпаке» – никого, во дворе – чисто, на втором этаже – труп. Охранник, собака и приличный (под стать дому) автомобиль – испарились. Труп, облаченный в роскошный халат, сидел в кожаном кресле и тупо смотрел на картину Джорджоне «Спящая Венера». В глазах ни упрека, ни страха. Ни боли. Все заплыло. На полу, под висящей рукой, – пистолет системы «вальтер». На виске, у входной дырочки, заметные следы пороховой гари. Били в упор.

– Я же говорил тебе, толстые долго не живут... – Лева Губский – смуглолицый, подтянутый опер – подтолкнул пузана Козлякина в плечо. – Посмотри, какой упитанный.

Труп, и вправду, отличался чрезмерной утолщенностью. При жизни ему было лет сорок семь – сорок восемь, имел он щеки, позаимствованные у барсука, бесцветные глаза и волнистые волосы, зачесанные на затылок. Из-под волос выглядывал фрагмент плечи. Комната – небольшая. Стены обиты дубом, на полу паркет. Два кресла – чересчур помпезны. Посреди журнальный столик – на ножках, имитирующих (вернее, пародирующих) женские чресла. На стене, в полутора метрах от выхода на лестницу – навесной канделябр, подключенный к розетке; напротив – дверь в спальню. У двери бар, телефон.

Допросы свидетелей. Домработница Мещерина Алина Викторовна, живущая в трехстах метрах от дачи – в поселке Обской, – в семь тридцать утра пришла наводить в доме немецкий порядок (что она и делает периодически уже полгода). Подивившись отсутствию собаки Лады, которой она принесла неплохую косточку, Алина Викторовна вошла через калитку в будку охранника и удивилась безмерно, когда обнаружила, что будка пуста. Тогда она поднялась в дом, решительно не ожидая встретить в нем своего работодателя – Кравцова Олега Ивановича, человека души широчайшей. Однако встретила. И реакция, по словам самой Алины Викторовны, была подобающей. Исполнившись трепета и вдоволь прооравшись, она умчалась вниз и из будки доложила «по команде» – то есть вызвала местного участкового. Капитан Анисимов, осознав нешуточность ситуации, прибежал на своих двоих и из той же будки поднял на ноги местного поселкового врача, по совместительству обслуживающего и жильцов богатеньких дач северной части кооператива. Врач, Туринцев Борис Аркадьевич, и констатировал смерть.

– Надеюсь, никто ни к чему не прикасался? – грустно предположил Лева.

Все трое вразной ответили отрицательно. После убедительной просьбы подумать категорически подтвердили ответ. Козлякин отправился бродить по дому (искать джакузи или кикимору за печкой), а Губский дозвонился в криминальную лабораторию (обещали подмогу) и провел предварительное дознание. Домработница оказалась приличной на вид женщиной лет сорока, напуганной, но способной связно выстраивать предложения. Свою историю она повторила дважды, причем настоятельно делала упор на то, что не касалась ничего не потому, что такая умная, а потому, что испугалась, прооралась и убежала. Не до того ей было, чтобы ходить по дому и все подряд трогать.

– Вы вошли в калитку, а потом в дом, – задумался вслух Губский. – Должно быть, покойный Олег Иванович не боялся доверять вам ключи от своего терема.

– Разумеется, – с заслуженной гордостью ответила приходящая в себя женщина. – Я не воровка, товарищи милиционеры. И не бичовка с улицы. Олег Иванович доверял мне и охраннику Сереже целиком и полностью. А что касается дверей... – тут женщина помедлила и надела на лицо тень воспоминаний, – то захлопнутой, как мне помнится, была лишь дверь, ведущая непосредственно в дачу. А калитка... Калитка в воротах была не заперта. Кажется, так.

– Кем работал потерпевший? – обратился Лева к Анисимову.

Участковый скорбно поджал губы.

– Большой человек. Директор крупной фирмы в Энке. Какой именно фирмы – не знаю. Но сам тихий, не буйан. В округе говорят, человек неплохой. Лично не общался, но...

– Что-то я такое слышал, – задумчиво пробормотал Губский. – Кравцов... Кравцов... Нет, не припомню. У него семья есть?

– Есть, – скорбно вздохнул Анисимов. – Молодая жена... А вот насчет детей не скажу, врать не буду. Но на дачу он детей не привозил. Спросите у Алины Викторовны, она знает.

– Нет у него детей, – проворчала Алина Викторовна. – И никогда не было. И жены нет. А та, кого вы видели, – она не жена...

– Как вы думаете, что здесь произошло?

Анисимов долго мялся.

– Внешне похоже на самоубийство... Расположение тела, оружия, следы сгоревшего пороха на виске... Но знаете, я бы не стал настаивать.

– Вы знаете, я бы тоже, – признался Губский. – Ну, застрелился человек, бывает. А охранник, собака, автомобиль – они что, расстроились и топиться ушли?

– Еще шофер, – севшим голосом добавила Алина Викторовна. – Олег Иванович никогда не садился за руль. Он просто не умел этого делать.

– Вдвойне приятно, – хмыкнул Губский.

– А сбежали, – предположил участковый. – Испугались.

Похоже, местный страж обожал анекдоты.

– И собака сбежала?

Врач хихикнул. Домработница перекрестилась. Участковый покраснел.

– Я понимаю, не звучит. Но это собака охранника. Думаю, в джипе ей нашлось бы место.

– О боже, – вздохнул Губский. – Впрочем, есть в этом своя сермяга, – вынул из папочки чистый лист и принялся заполнять рапорт. Светились три варианта: самоубийство (желаемо, но не дожدهшься), убийство своими и убийство пришлыми – то есть людьми, навестившими Кравцова со стороны. Сказать по совести, ни об одном из этих вариантов он думать не хотел. Морочить голову и рвать жилы никогда не поздно. Будет приказ наступать – будет и игра воображения. А пока самое разумное, что он мог себе позволить, – это изобразить пень с глазами.

Покосившись на землистое лицо покойника, начинающее приобретать оттенок хлорофилловой зелени, он справился у врача:

– Время смерти сможете определить? На глазок.

Туринцев с сомнением покачал головой.

– Не уверен. Часов девять – максимум. Минимум... часов пять.

Губский взглянул на циферблат. Пошевелил губами:

– То есть в любом случае смерть наступила в темное время суток?

Врач уверенно кивнул:

– Определенно.

– Отлично, – он протянул всей троице заполненный каракулями лист. – Распишитесь. Должен всех официально предупредить, что в случае дачи ложных показаний...

Передав бразды бригаде криминалистов, покатили обратно. Толстяк Козлякин откровенно засыпал. Лева толкнул его в бок:

– Ты мне вот что скажи, Топтыгин... Вот кабы ты надумал дать дуба, ты бы стал выключать свет?

Козлякин потешно пошевелил щеками.

– Я бы не надумал. Жизнь прекрасна и дается не всем, Лева. И прожить ее нужно даже у нас.

– Верно, Топтыгин. Но все-таки? Я не праздну интересуюсь, заметь. Пропажу второстепенных членов преступления мы можем объяснить по-разному, а можем вообще не объяснять, приняв за истину, что наш негодник покончил с собой. В комнате единственный светильник – у входа. До кресла долгий крик. Утром свет не горел, значит, кто-то его выключил. Но наша троица ни к чему не прикасалась. Кравцов? Сидел в темноте? Он что, кошка? Да и не вяжется. На столе пепельница, в пепельнице аккуратно разложены окурки и горки пепла. словно сидел и задумчиво выкладывал лабиринт. В темноте так не выложишь, Топтыгин. Покурил, потом встал, выключил свет, вернулся и покончил с собой? А на хрена? Вот я и спрашиваю у тебя: надумай ты дать дуба...

– Ты хочешь сказать...

– Истинно, Федя. Считаю, сообразил. Убийца похода выключил свет – машинально, не подумав. Кто-то не прочь надуть Фемиду, соображаешь? Вроде бы и убийство, а вроде бы и сам. Вроде бы и шофер с охраной повязаны, а вроде и не повязаны – может, их замочили за компанию и увезли с глаз долой, почему нет? Мы их ищем по подозрению, а они где-нибудь в отвале за обочинкой скупают?.. Бред, ты скажешь? Правильно, полнейший. Но с толку сбивает. Со светильником они фразернулись, а значит, уже легче. Версия самоубийства приказала долго жить...

– Скончалась, не приходя в сознание, – поддакнул Козлякин, зевая во весь рот. – Да не мучь ты задницу, Лева. Доложись Скворечнику, покажи рапорт, дождись результата из химички – а там уж и поплачем. Обмозгуем мы это дело, не трусь. Где наша не вывозила? Вот, помню, когда я учился в юридическом...

– Училище, что ли? – не удержался от укола Лева.

Козлякин зловеще крикнул. И замолчал.

В кабинете шефа, помимо Скворечника – начальника следственной части, – по-хозяйски восседал Саня Заруцкий – вкрадчивый зам. Заруцкого не любили. Мальчишка, бывший практикант, на волне чисток взлетевший под самую крышу управления, быстро скурвился в лощеного чинушу с самомнением и, по достоверным слухам, исподволь подсиживал папу-Дроботуна. Контрмеры на сей счет исключались – чересчур уж одиозные знакомства водил «практикант» в райкоме Национал-патриотического фронта.

Стараясь не кривиться, Лева доложил. Сунул близорукому шефу рапорт.

Заруцкий внезапно заспешил. Даже в лице стал какой-то непривычный.

– Ну, ладушки, Вячеслав Семенович, позже увидимся. Вы уж поработайте по моему запросу, договорились?.. Привет, Губский, – запанибрата отсалютовал он оперу, проходя мимо.

– Привет, Заруцкий, – сквозь зубы откликнулся Лева.

Дверь мягко закрылась. Такое ощущение, что «практикант» остался за порогом и прилип к замочной скважине.

Минут через десять Дроботун отправил по факсу запрос в отдел регистрации граждан мэрии. Аналогичный, по телефону, в жилищный департамент. Обещали помочь, если не забудут.

– Погуляй часика два, – проворчал Дроботун. – Есть чем заняться?

Лева встрепенулся:

– А как же, товарищ майор. Пока расковыряюсь, жизнь пройдет. Надо допросить одного человечка по делу Рыжего. Приличный такой человек, но имел однажды порочащие связи. Впрочем, это не по нашей части, он уже остепенился. Я позвоню, товарищ майор? – Губский потянулся к телефону.

Дроботун снисходительно кивнул:

– Валяй.

Дело Рыжего являло собой безнадежный глухариный заповедник. Когда кончают криминальных авторитетов, слово «следствие» приобретает чертовски комическое звучание. Губский набрал номер. Перешел на вежливо-просительный тон.

– Иван Никифорович? Это некий Губский из «ровэдэ»... вспомнили? Отлично, Иван Никифорович. Хорошо бы встретиться, переговорить... минут через двадцать вас устроит? Замечательно. Да успею, конечно, успею...

...Этот дом старой постройки во глубине улицы Котовского всегда напоминал ему Александровский равелин, который он в детстве изучал на открытках (у Левы было непростое детство). Проверившись, нет ли в округе знакомых или праздно любопытствующих, Губский нырнул в подъезд. Попрыгал через три ступени, практически бесшумно – подметки имел мягкие и навыки соответствующие. И правильно, что бесшумно. Едва допрыгал до площадки третьего этажа, как нарвался на безобразную картину. Грузный бандюган в китайском батнике потрошил пожилую женщину, одетую на редкость прилично. Прижал к стеночке, ножик – к горлу, и лихорадочно общаривал карманы. На полу валялась вывернутая сумка.

– Ну что ж ты, тетенька... – бормотал бандит. – Двадцать два рубля, ты смеешься надо мной? Ну давай, давай – сымай, говорю, пальтишко, кофточку... Хорошая на тебе кофточка, пушистая...

Глаза жертвы уже выпадали из орбит, она задыхалась – уж больно глубоко втиснулся в горло нож громилы. Пальцы судорожно поползли к пуговицам.

Губский не любил, когда потрошат пожилых женщин. Нехорошо это. Не по-сибирски. В подобных ситуациях он умудрялся уговаривать даже собственную лень. Он подошел сзади и похлопал громилу по плечу:

– Эй, зяма... Можно тебя?

Бандит, вздрогнув, повел головой. Оплывший глаз засверкал яростью... Пауза длилась отчаянно мало. Не дольше автоматной очереди из двух патронов. Лезвие оторвалось от горла жертвы и метнулось по дуге – Леве в кадык:

– С-сука!

Он ударил по локтю – нож покатился. С помощью другой руки вывернул плечо – там что-то хрустнуло, он на это плевал – мощно припечатал кулаком в челюсть. Взмахнув патлами, бандит отлетел к стене. Но живуч, опомнился: выплевывая изо рта зубную крошку, с хрипом попер вперед, сжимая грязное кулачье... Вторая зуботычина, устраняющая недоработки, была куда эффективнее: брызнули сопли, слюни, громила расквасил затылок о стену и сполз на пол. Из рта выпал длинный синий язык – финишная ленточка.

Губский нагнулся – дышит, ублюдок. Поднял нож, сумочку.

– Вам в какую сторону, мадам? Вверх, вниз?

– В-вниз... – прошептала жертва. – Я от п-подруги иду... – И вдруг опомнилась, всплеснула руками: – Ой, а деньги... – опустила на корточки и, тяжело дыша, зашарила по карманам громилы.

– Вот и идите вниз, – посоветовал Губский. – И впредь не допускайте подобного. Почаще озирайтесь.

И попрыгал дальше – на последний этаж.

– Благослови вас бог, молодой человек... – взволнованно прозвучало в спину.

– Кто? – спросили за дверью.

– Открывайте, Иван Никифорович, – усмехнулся он. – Это Губский.

Дверь скрипнула. Он нетерпеливо отжал ее, вошел в квартиру и сразу попал в жаркие объятия. Ануш со стоном бросилась ему на шею, повисла, стала целовать, тискать, трепать за волосы. Он попытался освободиться, но она не давала.

– Стой смирно, – прошептала и продолжала осыпать его поцелуями. В итоге он стал заводиться. Ануш в любое время суток действовала на него самым обжигающим и разлагающим образом. «То разум горел, то брезжил едва...» Он забывал с ней про все: про жену, ребенка, про службу, про безумную эпоху и хреновую погоду – и, представляя себя в эти минуты со стороны, приходил в неистовое изумление. Это был не он. Это был необузданный, необученный пацан, дуреющий от одних лишь слабых прикосновений этой удивительной женщины. Так же дурил и трепетал сопливый мальчик из новеллы Цвейга, когда в темноте ночного сада на него бросалась незнакомка, лица которой он не видал, и не представлял, кто она, и не знал, как вести себя... Он мог прожить без нее день, мог два. Если напрягался, то и три. Но если разлука затягивалась, ему мерещились вилы, начинало ломать, и никакие суррогаты не спасали. Он шел, как корабль на маяк, и всегда приходил, и, что характерно, его всегда ждали. Упирались ноздря в ноздю, а потом вели на кровать. Думаете, в эти минуты он вспоминал о жене, ребенке? Да ни в жизнь. У него одно оставалось на уме – любовь. Любовь законченного идиота к божеству. Которая войдет в анналы.

По позвоночнику гуляла блаженная нега.

– У меня час, – слабея духом, прошептал он.

– Тогда бежим, – Ануш решительно потянула его в спальню...

Наперекор судьбе и властям она не уехала из этой страны, когда была возможность. Не уехал и муж – паренек по имени Артур. Решили остаться – не верили, что лихая пора пришла всерьез и надолго. К тому же Ануш была армянкой лишь частично, а Артур не на рынках торговал, не в бандах отирался, а работал мастером на все руки в автосервисе. Зарабатывал приличные деньги. Потом пошли погромы. Ему даже не угрожали. И не уговаривали убраться «в свою Еревань на пару со своей сучонкой». Просто в один мрачный вечер подкараулили в подворотне и забили палками. В назидание всем «черным»: вот вам, дескать, право на родину. А попутно налетели на квартиру, забрав все ценное, в том числе сбережения, накопленные нормальным трудовым путем. В результате Ануш обрела множество синяков и потеряла последнюю возможность уехать. Эта жизнь прогибалась кого угодно... От суицида ее спас лично товарищ Губский, ведущий формальное следствие, набившийся в телохранители и на пальцах разжевавший девушке нетленный козлякинский постулат, что жить стоит даже в аду, как бы ни было там хреново. Через неделю он догадался, что жалость – не единственное чувство, влекущее его на улицу Котовского. На следующей неделе он понял, что спорадичность визитов уже не спасет. Нужна периодичность. Причем чем меньшее число в периоде – тем лучше. А еще через полмесяца он себя поздравил – втрескался.

Где-то на этом этапе и началась взаимность.

Он пристроил ее секретарем в адмтдел швейной фабрики, неподалеку от дома – на полставки, с окладом в восемьсот рублей, и прозрачно намекнул руководству, что отныне вот эта симпатичная черненькая охраняется государством, и если с ней, не дай бог, случится беда, то придет лично он, злой и страшный Губский, и беда будет всем. Работала Ануш с восьми до двенадцати, а остальное время сидела дома, дожидаясь Леву. Выходить на улицу без нужды боялась. Он, как человек ушлый, добывал ей продукты, иногда помогал деньгами. Но она не нуждалась в его помощи – так она декларировала. Ей нужен был он сам – единственный человек в этой спятившей стране...

Час потехи растаял, как инверсионный след. Губский уныло одевался. Ануш наблюдала за ним из кровати, ее глаза поблескивали. Она вообще любила наблюдать, как он одевается (или раздевается), а он при этом жутко смущался. Она явно перебарщивала, идеализируя его внешние и внутренние достоинства. Хотя, касательно внутренних, он понимал, в чем причина. В его стремительных мутациях. Он менял личину в ее присутствии диаметрально, становился не собой, а каким-то заезжим ангелом – он сам это чувствовал. А она его знала только таким.

В иных ситуациях – не видела, не ведала и не подозревала, что является мутагеном, надежно обеспечивающим переход субстанции по имени Губский из обычного качества в какое-то нелепое. И слава Создателю. В этом мире существовало слишком много вариаций Губского, и отдельные из них, ей-богу, пришлось бы ей не по вкусу.

– Придешь вечером? – спросила она.

– Обязательно, – кивнул он. – Жди. Продолжим грехопадение. Картошки пожарь, губки накрась, реснички. И одежды самый минимум: времени будет в обрез.

– Перебьешься, – Ануш надула губки. – Одежды будет много, картошки мало, косметики вообще не будет.

Поразительно, в ее речи напрочь отсутствовал армянский акцент. Это подкупало.

– Напрасно, – сказал он, поднимаясь и застегивая штаны. – Макияж с вечера неплохо экономит время с утра. Бытует такое мнение.

Она рассмеялась – словно колокольчик рассыпал мелодичный перезвон. Усладительные звуки – они играли в его ушах самой радостной музыкой.

Ануш выбралась из-под конвертика-одеяла, на четвереньках переползла кровать и приблизилась к нему, потешно склонив головку – как бы смущаясь своей наготы. Уткнулась в грудь, между первой и второй пуговицей, задышала в рубашку. Потом подняла голову – у Левы защемило сердце: горошинки зрачков смотрели на него пристально и с тоской. Внезапно его осенило: а ведь любовь не картошка...

– Приходи, – прошептала она. – Я уже жду. Я хочу...

Он не мог игнорировать столь взрослые желания. Чего хочет женщина, того не прочь отведать бог... Он поцеловал ее нежно (очень нежно) и, как водится, не сумел по доброй воле оторваться. В губах Ануш таилось тепло другой жизни. Куда ему спрятаться от тепла...

Она оттолкнула его.

– Иди, иди, конспиратор... Не то хватятся тебя. И не забывай на досуге повторять мое имя, слышишь?

А когда он забывал?..

– Пока. – Лева осмотрел напоследок обстановку. Вскользь. Пора бы обои сменить. Диван заштопать. Герань долговязую на окне к чертям собачьим выбросить. Опять пришла в голову эта дурацкая мысль: почему он временами из прожженного циника превращается в прожженного же лирика?

Чувствуя подгребающий к горлу осенний сплин, он заскользил по ступеням. Затянулась нынче беседа с Иваном Никифоровичем. Пора и честь знать... Этажом ниже не удержался от удовольствия – оттянул ногу и от души пнул по заднице проходящего в себя громилу с пробитым черепом. Под протяжные стенания побежал дальше. Очень, знаете ли, отвлекает от шекспировских страстей.

На посеченном бандитской шрапнелью столе Дроботуна сиротливо обретались стакан с жиденьким чаем в железнородожном подстаканнике и надкусанная булочка без ничего. Русская кухня. Майор меланхолично смотрел в окно на бесконечно моросящий дождь, и в эту минуту сравнить его профиль со скворечником мог даже человек, не обладающий бездной воображения.

– Разрешите?

Дроботун перевел тяжесть взора с дождя на подчиненного. Лева ощутил отрицательные вибрации.

– Как беседа?

Лева сглотнул.

– Продуктивно, товарищ майор.

– Закругляй свои беседы, Губский. Хватит этой казачьей вольницы, – Скворечник ослабил удавку галстука. – Передавай свои дела рыжих, пегих, каких там еще?.. Черно-бурых... Кому хочешь передавай. Пещернику, Званцеву, Хорецкому. Мне до фонаря. А сам садись за Кравцова. Этот тип проходит по списку «А».

– Ого... Ничего себе заявочки, товарищ майор, – Губский так и подпрыгнул. Эффект, как ножницы в розетку. – А над вами не подшутили?

В список «А» традиционно (под грифом «Особо секретно») входили наиболее значимые и влиятельные функционеры областного масштаба. Вообще люди, от которых что-то зависело.

– Такими вещами не шутят, Губский, – отрезал Дроботун.

– Тогда кто он, товарищ майор? Большой деятель от НПФ?

Дроботун сквасил серую мину едва прикрытого неприятия всех и всяческих деятелей.

– Формально – нет. Руководил энским филиалом концерна «Муромец». Головная контора – в Москве, отделения – по всей необъятной. Официально подчинялся совету директоров, но фактически... сам понимаешь.

Понимать, собственно, было нечего. Верхушка национал-патриотов контролировала любую активность. А что касаясь огромного концерна, раскинувшего щупальца по всей стране, – тут и говорить нечего. Несомненно, приказ расследовать гибель Кравцова (как бы ни отнекивался Дроботун) спустили не откуда-то сбоку, а из самого логова – из обкома НПФ. Хотя из этого вовсе и не явствует, что его прихлопнул... не фронт.

– При необходимости привлекай Козлякина. Но не усердствуй. У Козлякина своя гора.

– Можно идти, товарищ майор?

– Можно. Иди. Нет, постой. – Губский замер на пороге. Дроботун ожесточенно кусал губы. Не то рожал мысль, не то, наоборот, гнал прочь. – Хочу предупредить тебя по-отечески, Губский. Хотя сынок из тебя, прямо скажем... – Майор сипло кашлянул. – Хреновый. Так вот. Дело гадкое. Не зарывайся. Веди себя поосторожнее. Разрази меня гонорея, Губский, если это дело не будет контролироваться там, – исписанный чернилами палец показал в потолок, намекая определенно не на Бога. – И не забывай о таких дополнительных прелестях, как, например, параллельное расследование. Мне сдается, оно будет. Потому что... гадкое дело. Ну все, ступай.

Возможно, Дроботун и не лукавил, намекая однажды, что его кабинет не прослушивается.

Похожий на кощя Пещерник – второй сосед по отделу – и необхватный Козлякин пили из плоской бутылочки. Трофей с дачи Кравцова, догадался Лева. Не зря он там по дому бродил, проворачивая «следственные мероприятия». Бутылку прикрыли папкой с делом номер 18585 об ограблении инкассатора, но у Губского был глаз набит.

– И мне капелюшку, – распорядился он.

Пещерник с кислой миной плеснул в захватанный стакан. Губский выпил. Легче не стало, но от приобщения к коллективному разуму в груди стало как-то бодрить.

– О чем болтаем на групповщину? – поинтересовался он, заедая дозу хлебным мякишем.

– О жизни, – икнул толстяк.

– О гармонии, – добавил кощей.

– Надеюсь, не о людских слабостях? – предположил Губский. – Нельзя же напрягаться в рабочее время.

Толстяк кивнул:

– Конечно.

– Жена вчера паек получила, – ни к селу ни к городу загнул Пещерник. Подумал и в полном соответствии с правилом правой руки потянулся к бутылке. На безымянной костяшке мерцало вьезшее в кожу обручальное кольцо.

– А мы Светкин уже уломали, – вспомнил Губский.

– Я не о том. Не хлебом, как говорится, единым. Я ради хохмы пересчитал. Две водяры, гречка, сечка, ячка, фарш из бумаги... Весь кошачий набор. На общую сумму одна тысяча четыреста двадцать рублей ноль копеек. За незанятость! Плюс эти полковые кухни во дворах. А я работающий – получаю на четыреста больше. Полный погребец, да?

– Государство заботится о своих неимущих, – пошутил Губский. – Как в Швеции – социальные выплаты поднимают бедняков до уровня богачей. Чего ты возникаешь? Это целых три бутылки водки.

Козлякин пошевелил губами, перемножая в уме столбиком.

– Или два килограмма колбасы «К завтраку».

– К отпеванию... – пробормотал Лева.

– Воистину, – обрадовался Пещерник. – То есть ты, Козлякин, ходишь на работу для того, чтобы пару раз в месяц нажраться жеваной бумаги, а ты, Губский – чтобы выпивать в день дополнительных пятьдесят граммов.

– Ковшик сломается, – хмыкнул Козлякин.

– А ты, Пещерник, зачем ходишь? Ведь ты у нас не пьющий, не ед... Не ед... Как правильно? – Губский раздраженно повернулся к напарнику. – Едящий?

Козлякин задумался, сделав деревянное лицо.

– Едущий?..

– А хрен его знает, как и зачем, – Пещерник запрокинул голову, вливая в нее коньяк. – Хожу себе и хожу. Наверное, так надо.

– Ну вы и намешали, дети мои, – Губский криво ухмыльнулся. Оглядел аудиторию свысока. – Никто из нас не ходит на работу для того, чтобы натереть деньжат или обрести, скажем, классную житуху... Кончилась в наших краях классная житуха, помяните мое слово. Все мы ходим на работу из страха. Скажите мне, что я не прав. Тюрьма, война, грусть-тоска. Вот они – три кита. Не так?.. А теперь прикрывайте своими дурилками мою задницу: мне сына надо забрать из школы.

Наутро он посетил контору «Муромца». Красивое здание с маковками и ступеньками, постройки позднего коммунистического «неолита», стояло в глубине обширного пустыря. Метрах в пятистах вздымалась свечка бывшего обкома КПСС – ныне обл администрации и штаб-квартира НПФ. В былые годы власти намеревались превратить этот пустырь во второй городской центр, но, как водится, передумали. Или переоценили себя. Обычная практика. Теперь новым кормчим достались помпезные строения и необлагороженная территория вокруг них. Территорию усилиями безработных периодически пытались привести в порядок, но лучше она от этого не становилась.

Оставив «пульсар» на парковке, Губский подался к зданию. На крыльце под безликой вывеской «Концерн «Муромец». Энский филиал» закурил «Приму», постоял, собираясь с мыслями. Выводы криминалистов оставляли минимум сомнений – Кравцова убрали. На пистолете – его отпечатки, но больно уж отчетливые. Мизинец, средний, безымянный. На курке – фрагмент указательного. И все. Никаких смазанных следов, масла, пыли. Такое впечатление, что Кравцов был первый, кто когда-либо прикасался к этому «вальтеру». Пуля калибра шесть и пять, извлеченная из головы, соответствовала оставшимся в обойме (а там, кстати, не хватало двух патронов), пороховая гарь на коже виска свидетельствовала о стрельбе впритык, но эксперт, колдовавший над головой Кравцова, заявлял ответственно – применили глушитель. То есть замедленная скорость полета пули, смещенный «выхлоп», еще какая-то дребедень. Свой

отчет он выдал на двух листах, но Лева просмотрел его вскользь – уж больно устные пояснения эксперта напоминали его собственные выводы. На свалке, в километре от поселка Обской, нашли мертвую овчарку. Овчарок, конечно, в округе как... собак нерезанных, и нередко среди них встречаются мертвые, но факт, что животное убито, как и Кравцов, пулей в голову, наводил на размышления. Пуля была другая, но и это могло говорить о разном. Например, о том, что убийца действовал не в одиночку. Тело несчастной твари предъявили проходящей «чумработнице» Алине Викторовне, но даже и после того как ее вырвало, она не смогла с достоверной точностью определить, была ли это собака охранника Сережи. Хотя скорее да, чем нет. Окрас такой – палево-терракотовый, и шерсть комками. Пропавший джип тоже не нашли. Впрочем, особо и не старались: искать угнанную машину в наши дни – занятие откровенно дурное.

Размышления у парадного подъезда прервал широкий, как катамаран, «Крайслер Конкорд», изящно подкативший к крыльцу. Озабоченный худощавик с кожаной «визиткой» выпрыгнул из машины и направился в здание, а автомобиль медленно потянулся на парковку. Лева бросил окурок в стальную урну с завитушками. Пора.

В конторе царило напряжение. Чувствовалось – народ уже в курсе. Показав охраннику на этаже удостоверение и получив сдержанные ответы на пару вопросов, Губский направился к лифту.

Начальник охраны, некий Котляр – тип в безукоризненно отутюженном камуфляже – оказался несговорчивым малым. Старый кадр, чекист в отставке – Лева читал эту породу, как афишу. Такие товарищи словами не бросаются. Говорят сжато, взвешенно и, как правило, неправду. Котляру было лет пятьдесят. Он носил бобрик и глаза болотного цвета. Когда Губский вошел в его строгую каморку с серыми панелями, начальник охраны сидел за столом и бегло подписывал бумаги. Милицию он встретил с прохладцей.

– Да, мы в трауре, – процедил сквозь зубы, – Олег Иванович был прекрасным человеком, и вся фирма глубоко скорбит о его безвременном уходе.

Понимая безнадежность выбранного направления, Губский все же задал несколько вопросов. Из ответов явствовало – начальник охраны не знает, кому выгодна смерть Кравцова, а если бы знал, то задушил бы гадину собственными руками. А мысль у него на сей счет одна: Олега Ивановича Кравцова убил тот, кому не по душе безупречная работа филиала, кого не устраивает слаженность взаимодействия его структур и подразделений и та несомненная польза, которую «Муромец» приносит обществу. На просьбу кратко охарактеризовать шефа как человека и руководителя ответ был предельно конкретен – блестящий организатор и душа общества. Потом, правда, всплыли дополнения: истинный патриот, благочестивый прихожанин, честен, порядочен, скромен в быту, невероятно умен.

– Кто занимался охраной Кравцова? – вздохнул Губский.

– Свою охрану Олег Иванович подбирал сам, – отрезал Котляр. – Исходя из личных и моральных качеств. – Потом, впрочем, допустил поправку. – Естественно, учитывая открытость и доброжелательность Олега Ивановича, мы всегда проводим... мм, проводили негласную проверку отобранных им кадров, но, как правило, отсева не было. Олег Иванович обладал завидной интуицией в подборе доверенных лиц.

– То есть за пропавшими шофером и охранником ничего худого не числится? – недоверчиво уточнил Губский.

– Абсолютно, – уверил Котляр. – И не могло числиться. Охранник дачи Сергей Донец и шофер Илья Толстых работают с Олегом Ивановичем более полугода и не имеют нареканий. Тем более взысканий. Оба отслужили в «горячих точках»: первый – в Абхазии в девяносто третьем, второй – в Чечне в девяносто восьмом. Оба морально устойчивы, порядочны и с глубокой ответственностью относятся к выполнению своих обязанностей. И наконец, – Котляр свел дугой свои кустистые гбэшные брови, – оба лично преданы Олегу Ивановичу.

– И никаких изъяснов? – усомнился Лева. – Ей-богу, не русские люди, а с иконки сошли. Сплошные добродетели.

– Изъясн один, если угодно, – начальник охраны попытался улыбнуться. – Оба не женаты.

Не исключено, что стены в кабинетике Котляра имели уши. Это нормально. В стране, где прослушивается каждый чих, разговоры руководителя охраны крупной организации должны прослушиваться далеко не в последнюю очередь. Но дело тут в другом. Случись разговор Губского с Котляром даже не в кабинете, а где-нибудь на тихой аллейке под шелест осин – он бы и там не наговорил лишнего. Потому что не должен. Работа такая.

– Ну хорошо, – Губский поднялся. – Спасибо за беседу, Александр Витальевич. Где я могу получить более полную информацию о людях по фамилиям Донец и Толстых?

Котляр показал острием золотого пера на стену:

– Пятая дверь налево. Отдел регистрации.

– И виз, – пошутил Лева.

Не принявший шутки чекист промолчал.

В «регистратуре» имелась хорошенькая девчушка с вавилонской башней на голове. Если охаживание горшочков с фиалками можно назвать работой, то она работала.

– Очень милые цветочки, – похвалил он.

– Я тоже неплохая, – девочка покосилась на вошедшего.

– Вы само очарование, – спохватился Лева. – А я из милиции. Давайте знакомиться.

Пока он не встречал организованного сопротивления. Так, мелкие очаги неприязни. Поворчав и посетовав на тему «какого замечательного человека мы потеряли», девочка Ирочка покопалась в файлах и выдала Губскому на-гора жиденскую распечатку. За что и получила щедрый приз в виде огромного человеческого спасибо. Охранник Донец имел городскую прописку и конкретный адрес, хотя стоило предположить, что он там не живет в отличие от Толстых, координаты которого оказались также просты и легкочитаемы: первый Бердянский переулок, дом два, квартира девять. Испросив разрешение позвонить и получив милостивое «звоните», он связался с управлением. Козлякин сидел на посту и хрустел защечными мешками. Губский продиктовал адреса. Напарник сделал вид, будто запомнил. Пригрозив в случае неисполнения репрессиями, Лева повесил трубку. Рассыпался в благодарностях и покинул отдел регистрации.

Теперь предстояло опуститься в самое лоно. Он сошел на второй этаж. Люди кучковались, хмуро обсуждая текущие проблемы. Все понятно: со дня на день прилетит новая метла, и куда бы нам всем забиться?.. В обширной приемной царил секретарша. Заметно напуганная, но пока при должности.

– Вам кого? – спросила она неласково. – Олега Ивановича... нет на месте. Георгий Станиславович занят.

– Мне вас, – обескуражил ее Губский, бесцеремонно вторгаясь в святая святых. – Позволите?

Табличка на двери гласила: «Кравцов О.И., директор». На двери напротив: «Оснев Г.С., заместитель директора». Меж дверей, под пальмой, сидела секретарша. На столе – компьютер, чайник, атласная бумага.

Он вынул корочки. Магического воздействия они не произвели, не та публика. Особа под пальмой раздраженно хмыкнула:

– Я вас слушаю.

Подняла глаза и вдруг вздрогнула. Губский подивился: нет, положительно, она вздрогнула – едва увидела вблизи его лицо. И как-то сразу побелела.

А почему?

Вблизи она сделалась постарше. Лет двадцать семь – двадцать восемь. Волосы темные, глаза синие, лицо приятное, но немного лошадиное (все мы немного лошади). Черный костюм

делового покроя, ландорики на ножках. В лице – капелька интеллекта. «Мне мерещится или я ее где-то видел? – подумал Губский. – Что в ней неправильного? Одежда, волосы? Возраст?..»

– Вас зовут?..

– Мария Андреевна. – Девица справилась с собой, голос не дрожал.

– Я хочу с вами побеседовать.

– Беседуйте...

В последующие минуты он не узнал ничего нового. Информация поступала в прежнем объеме (правда, в более эмоциональной подаче): невосполнимая утрата, скорбящие коллеги (льстивые угодники), мудрый руководитель, душа настежь, неустанная забота о нуждах, любимое занятие – организация и проведение добрых дел. Скоро Губский зазевал. Никчемушная болтовня раздражала. После того как Мария Андреевна фигуристу загнула очередной ляп, он не выдержал:

– Вы неплохо образованы, Мария Андреевна. Приходилось грызть гранит?

Секретарша, похоже, смутилась. Осеклась.

– Я окончила иняз педагогического института, уважаемый. Этого достаточно?

«Ах, мы еще и педагоги... Боже, где я ее видел?!» – возопила дырявая память.

– Вполне, – кивнул он. – Опишите вчерашний... мм... позавчерашний день вашего шефа.

Отсутствием оперативной памяти он не страдал, поэтому последующий поток информации воспринял с олимпийским спокойствием. При желании он мог бы восстановить в голове любой клочок беседы. В 9.00 звонили из областной администрации – по поводу кирпичного завода на Гурьевской; в 10.45 – из НПФ, какой-то мелкий баран по фамилии Функционеров... тьфу, наоборот, простите, товарищ капитан... (покраснела, бедная.) Разговоры чисто официальные, без подтекста. Потом было несколько звонков, на которые Олег Иванович отвечал лично, минуя посредничество Марии Андреевны. После обеда провел селекторное совещание с руководителями региональных подразделений; утряс вопрос с транзитом угольных эшелонов из Прокопьевска; закрыл нерентабельный карьер в Северном. Вызвал на ковер директора гофротарного завода и хорошенько ему врезал. После трех принял закодированный звонок (напрямую на свой аппарат), после чего заявил, что с 18.00 будет на даче и все важные звонки следует перегонять туда.

– Он поехал на дачу один, с шофером? – уточнил Губский.

– С шофером, – кивнула секретарша. – С Илюшей Толстых.

– А чужих в машине не было?

– Не было.

– Откуда уверенность?

– Оттуда, – Мария Андреевна показала на широкое окно.

– Понял, – намотал на ус Губский. – Ну, тогда продолжим.

Птичка-говорун вновь раскрыла клювик... В 17.35, сразу по отбытии Олега Ивановича, появился главный снабженец с Каралькских лесозаготовок, спел арию гостя и потребовал аудиенции. Мария Андреевна его деликатно отшила, переведя стрелки на завтра, а в 17.55, аккуратно к официальному завершению работы, нарисовался Туманов с конфеткой на ладошке и сказал, что хочет шефа по поводу одной экзотической идеи.

– Туманов Павел Игоревич? – насторожился Губский.

– Другого нет, – кивнула дамочка. – Начальник аналитического отдела.

Туманов настаивал. Тогда Мария Андреевна связалась с дачей. Последовало высочайшее добро – то есть Туманову было велено приехать и доложить. Он обрадовался, назвал Машеньку лучезарной, луноликой, «о, прекрасной» и смылся.

– И поехал на дачу?

– А я ему вслед не смотрела, – с выражением «смотрела я, смотрела...» фыркнула секретарша.

«Где же я ее видел?» – продолжал маету Губский. – Ну, ей-богу, как в древней рекламе: «Это было почти вчера...» А может, спровоцировать и сама раскроется?»

Он не услышал, как позади мягко отворилась дверь – с табличкой «Зам».

– Прошу извинить, – пробормотал мужской голос. – Вы из милиции?

– Из нее, – согласился Губский.

– Здравствуйте...

– Салям алейкум, – Лева хотел было изобразить жест «вай», но передумал. Разные религии.

На пороге мялся плохо причесанный мужичонка в дорогом костюме. По лицу – не то расстроенный, не то растерянный. Весьма странно, заместителя мертвеца Губский представлял как-то иначе.

– Мы не могли бы поговорить?

– Почему нет? Хозяин – барин.

– Тогда проходите, прошу вас, – мужичонка подвинулся, освобождая проход.

– Неужто зам? – шепнул Лева.

– Угу, – буркнула секретарша. – Зверь.

– Машенька, ко мне никого не пускайте, хорошо? – попросил человечек. – Если вдруг придет Терещенко, попросите подождать.

– Непременно, Георгий Станиславович, – секретарша вышколенно склонила головку. Тонко подведенные глазки заметно оживились. Видно, предстоящее исчезновение Губского подняло тонус.

Он так и не смог вспомнить, на каких коллизиях пересекались их пути-дороги. Дав себе зарок вернуться к этой теме при первой же возможности, вошел в кабинет.

Мягкий и нечесанный «супербизон» протянул вялую руку:

– Осенев Георгий Станиславович. Можно Георгий...

Он же Гоша, он же Гога. Он же Жорик... По неплохо обставленному кабинету витал слабый запах алкоголя. Иной бы его не ощутил, но Лева Губский был тем еще нюхачом.

Что это? Начинаем утро с легких вин, дорогой товарищ?

– Губский Лев Васильевич. Старший оперуполномоченный Железнодорожного РОВД.

– Простите... – растерялся Осенев. – Но у нас пересечение Центрального и Октябрьского районов, мы как-то не совсем...

– Убийство совершено на территории, относящейся к Железнодорожному.

– Простите еще раз, я не подумал... – создавалось впечатление, что хозяин кабинета не знает, куда деть руки. Помимо спиртного амбре, нерешительности и кудлатости он был еще и болезненно худ. Кашкой клевера питается?

– Вы хотели поговорить?

– О, да... – Осенев замялся. – Понимаете, коллектив нашей организации тяжело переживает и скорбит... Олег Иванович Кравцов был великолепный организатор и...

– И прекрасный прихожанин, – перебил Губский. – Это я уже знаю. Вы хотели о чем-то поговорить?

Зам стушевался. Однако обрел силы вспомнить о приличиях. Показал на стул.

– Присаживайтесь, Лев Васильевич...

Ко всем прочим он оказался типичным занудой. И нытиком. Пребывая в неопределенности по поводу своей дальнейшей судьбины, Георгий Станиславович вконец извелся. Не поведает ли ему господин из милиции, что слышно в верхах о перестановках в руководстве «Муромца»? Ведь грядет новый человек... Нет, не поведает. Ах, как жалко... А мы искренне считали, что в правоохранительные органы такая информация обязана поступать в первую очередь... Не обязана? Ах, как жалко... Но в принципе заместитель разговорился. Златоустом он не был, но нагородил целый огород. Мир Осенева развалился, впереди новый шеф, который

не оценит по достоинству то, что ценил в нем Кравцов. А Кравцов пытался превратить филиал «Муромца» в самостоятельную контору и немало в этом преуспел. Поэтому диктатору не требовались сподвижники, ему нужны были исполнители и талантливые прогностики. Каковым и являлся Осенев. Он не лез с инициативой, не участвовал в темных махинациях, он исполнял только то, что повелевал шеф. Исполнял ревностно и с радением. Без самостийности. Его уважали. Его ценили. А нынче... Ах, как жалко. На просьбу Губского описать работу филиала последовало целое извержение. По уставу, «Муромец» – это дитя сращения ряда частных фирм с государственным капиталом. Это – слаженная работа мелких заводиков и крупных производственных структур. Это – симбиоз технической и коммерческой мысли. Это, наконец, – быстрая доставка транзитных и местных товаров в любой уголок отечества. Иначе говоря, Кравцов всеми правдами и кривдами проводил политику неоглобализма в пределах отдельно взятой области, и руководство Национал-патриотического фронта смотрело на его проказы сквозь пальцы. В конкретном же плане филиалу подчинялись сельские кооперативы, разнообразные общества, товарищества, хозяйства мелких буржуинов (не любящих неприятности), молокозавод, два мелькомбината, химфармзавод, деревофабрика, комбинат бытового обслуживания, завод радиодеталей... И многое, многое другое. В том числе недобитая сеть коммерческих киосков, подразделения автотранса и ж.-д. транс, ведающие грузовыми перевозками. Кроме того, «Муромец» организовывал и проводил доставку гражданских лиц на сельхозработы, а следовательно, был завязан с органами, поскольку именно органы осуществляют контроль за передвижением людских масс в периоды уборочных мобилизаций.

– А как обстоят дела с обеспечением безопасности? – прервал Губский поток подогретого спиртным словоблудия.

Безопасность – превыше всего. Служба охраны, возглавляемая Котляром, поставляла подготовленный контингент во все без исключения структуры «Муромца» – этаких широкоформатных амбалов (до того крутых, что сами себя боятся). Ими же сопровождалась перевозка товаров, осуществлялись «обеспечение коммерческой деятельности» и охрана руководства. Кроме того, существовал аналитический отдел, руководимый Тумановым, в обязанности коего вменялось дублирование некоторых функций службы Котляра, а также прогнозирование рынка и исследование перспектив и целесообразности того или иного направления работы.

Потом разговор опять ненавязчиво перескочил на святой лик покойного. Губский скрипнул зубами – еще два-три дифирамба, и его стошнит.

– Поверьте мне, – заплакал зам. – Я никогда не рвался стать руководителем этой фирмы. Мое место вот здесь, в этом кресле, – он обеими руками показал на кресло. Лева тоже не отказался бы от такого кресла. Мягкое, удобное, а главное, крутится. Пещерник удавился бы от зависти. – Я просто не потяну такой высокий пост, вы меня понимаете? Вы ведь знаете, как говорят: мой стакан не велик, но я пью из своего стакана...

– Полагаете, вас уже обвинили в убийстве? – загоня злость в угол, бухнул Губский.

Осенев ахнул. Прижал ручки к груди. И взмолился:

– Да я вас уверяю...

– Всего доброго, – простился Губский.

Мария Андреевна уже была не одна. Обидно. Лощеный тип в твидовом двубортнике сидел нога на ногу и рентгеновским взглядом просвечивал Губского. Час откровений откладывался.

– Мария Андреевна, дорогая, где бы мне найти аналитический отдел? – подчеркнуто-вкрадчиво осведомился Лева.

– Под нами, – подчеркнуто-холодно ответила секретарша.

– Послушай, я так не играю. Ну ездил я на эту дачу, ну и что? – раздражению Туманова не было предела. – Ну давай взвалим на меня всех собак, выразим дружное «распни его!» и упрячем в кутузку...

– Чего ты заводишься? – разозлился Губский. – Какая кутузка? Кто тебя обвиняет? Тебя может обвинить человек со стороны, но не я. Какого хрена тебе его убивать?

– А жизнь спокойная надоела, – слегка приутих Туманов. – Тебе какая разница, зачем я его убил?

– Так я не пойму, ты его убивал или нет? – Губский криво ощерился.

– Нет, ты пойми, – Туманов положил локти на стол и злобно вперился в собеседника, – я не делаю тайны из того, что ездил на дачу. Об этом знала секретарша, а она могла растрюбить всему миру. Вся контора могла знать... Да какого дьявола? Я по делам ездил... Какие дела – тебе неинтересно, там все легально. Дела мы решили, в полдесятого я убрался, в десять был в городе. Если тебя заботит алиби... – Туманов сделал выразительную паузу, как бы проверяя друга на вшивость.

– Давай, давай, раскручивайся, – подбодрил Губский.

Глава аналитиков печально покачал рано седеющей головой.

– В картишки нет братишек, так, Лева?.. У бабы я был, отвяжись. Улица Ленина, два, квартира двадцать четыре. Волина Оксана.

– Что, Паша, «интим не предлагать»? Или предлагать? – Губский обрел серьезный вид. – Ладно, замяли. Шутки не понимаешь.

– Не понимаю.

– Кравцова замочили после одиннадцати вечера.

– Вот и прекрасно. Похоже, это был не я.

– Ладно, это был не ты.

– При Кравцове я процветал, Лева. Я был барином, я выполнял конкретные дела, за которые имел кудрявые премии, и знать не знал, что так обернется. Ты не поверишь, Лева, я в натуральном ауте. Кравцов – знаковая фигура, сидеть в его тени и получать при этом приличный прожиточный минимум – предел мечтаний. В наши-то времена!.. Ты понимаешь, что при новом директоре я буду первым кандидатом на вылет?

– Кто из стоящих ниже мог стать преемником?

– Из местных – никто, – решительно отмел Туманов. – Осенев – тряпка, Котляр – мелок, правая рука Кравцова Бушуев, царек в отделе реализации, – стар, исполнительный директор Барчуков – из тех, кому вольготно в тени, где можно обставлять разные делишки...

– Слушай, – удивился Губский, – а у тебя кабинет не прослушивается?

– Нет, – выплюнул Туманов. – На чем я остановился?

– На разных делишках.

– А-а, – Туманов махнул рукой. – Все это пустая говорильня, Лева. Директора назначает Москва. Москва его и отсылает, когда неугоден. Но не убивает втихаря, запомни. А Кравцова не за что было отсылать: фирма работала.

– Кто мог его убить?

Туманов пожал плечами.

– Копай, Лева. Ты же у нас копала. Либо криминальная разборка, либо бытовое преступление. Я так думаю. Только не зли меня больше про дачу.

По словам Туманова, в момент его приезда к Кравцову на территории «фазенды» находились трое: охранник в будке, шофер (ковырлся в моторе «Чероки» цвета маренго) и лично виновник несчастья. Кравцов казался обеспокоенным, но не более. В курс тумановской проблемы вошел с ходу, похвалил за инициативу и принял достаточно взвешенное решение. В целом положительное. Распрощался почти по-дружески. Нет, посторонних он не видел, незна-

комых автомобилей, кругами курсирующих вокруг дачи, – тоже не видел. И вообще давно пора от него отлипнуть...

После обеда вновь заморосил дождик. На небе – ни трещинки, ни просвета. Тоска зеленая... По взмокшему парку, заваленному рябиновыми листьями, гулял ветер. Какая-то нищенка, сгорбатившись, брела по середине аллеи, постукивая клюкой – клюк, клюк... Вылитая ведьма, охмурившая Белоснежку... Ее обгоняли люди с зонтами, какой-то кожаный бугай, не вписавшись в движение, грубо шикнул, как на поганую шавку, старуха отшатнулась, побрела по мокрой земле, увязая в грязи...

Хлопнула дверь.

– Наше вам с кисточкой.

Губский отвернулся от окна. Вошел мокрый и злой, как абрек, Пещерник. Без китайских церемоний сбросил макинтош на козлякинский стол, плюхнулся за свой.

– Исполать тебе, добрый молодец, – буркнул Губский.

Пещерник высыпал из пачки на столешницу папиросную труху, сгреб ее в кучку, стал сворачивать «козью ногу».

– Ты про «Муромец» слышал? – спросил Губский.

– Не наша территория, – рыкнул Пещерник.

Нельзя сказать, что он всегда был такой злыдень. Иногда на Пещерника находили просветления, и в эти редкостные минуты он был не то чтобы гуманистом, но в какой-то мере облагороженный человеческим началом. В ментуру он пришел полтора года назад – по протекции Губского, вернее, его Светки, попросившей порадеть за мужа школьной подружки.

– Кого опять убили? – вздохнул Лева.

– Троих на Писарева. Папа, мама, я... В самом захолустье, представляешь? Там, где частный сектор и эти... как их... склады «Сибгелиоса». – Пещерник яростно чиркнул спичкой.

– Ограбление?

– Если бы, – скрипнул опер. – Просто убийство ради убийства. Под утро выбили замок на входной двери, ворвались в дом. Отец семейства, видно, пытался возразить, так его изрубили в клочья. А жену с дочерью банально придушили. Чиканутый какой-то...

– Без мотива?

– Абсолютно. Сварщик на «Электроагрегате» – какой мотив? Дружная семья, с соседями не собачились, денег не водится, адюльтером не пахнет.

Безмотивные дела, как правило, не раскрывались. Если следов и выживших очевидцев не находилось, их с легким сердцем сдавали в архив. Над бытовухой долго не корпели – упор делался на «преступления, направленные против государства».

– Завидую, – пробормотал Лева.

Опер вскинул колючие глаза.

– Чего?..

Затрещал телефон. Пещерник яростно схватил трубку.

– Да!.. Тебя, – протянул Губскому. – Поросенок твой лепший.

– Говори. – Напарника он не видел с раннего утра, а последний раз выходил с ним на связь еще в конторе «Муромца».

– Я промок по самые помидоры, – жалобно возвестил Козлякин.

– У тебя есть помидоры? – сумничал Губский. – А твоя жена намедни утверждала нам обратное.

Пещерник злобно гоготнул. Козлякин принялся обиженно пыхтеть в трубку:

– Я вообще не буду с тобой разговаривать, Лева...

– Попробуй только, – сказал Губский. – Уволю.

Выходило следующее. По месту прописки охранника Донца никого не оказалось. По крайней мере, не открыли. ЖЭУ сделало страшные глаза и ушло от ответа, пробурчав какую-то

галиматью о таинственном перечне квартир, приписанных к ряду ведомств. Настаивать Козлякин не стал – не в его это правилах. Посчитав данную часть миссии выполненной, пошел дальше. В квартире шофера Толстых в Бердянском переулке у Елисеевского базара (в народе Елисеевские поля) за незапертой дверью он обнаружил девицу, облопавшуюся транков и возлежащую совершенно голышом, как раскрытая книга, – читай, Федя, не хочю. Согласно промокшим помидорам, Козлякин не оскорбил ее ни словом, ни делом, а вылил на нежную грудь немного воды и участливо поинтересовался, откуда она, прекрасное дитя. На что девица не совсем грамотно изобразила пионерский салют, заявила, что она Елизабет, племяшка дядьки Толстых, а прибыла в страну советов из Баденхерстена-на-Шпрее, в пломбированном вагоне. После чего Козлякин, собственно, и побрел дальше. И на улице вождя всех гегемонов, дом два, квартира двадцать четыре, действительно застал нигде не работающую особу по имени Оксана Волина, которая и подтвердила, что в ночь с девятого на десятое сентября в ее постели коротал время некий Туманов П.И., пришедший к ней не позднее десяти вечера. Особых подозрений на этот счет у Козлякина не возникло – особа была обаятельна, и хотя робела, но стояла за своего сопостельника горой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.